Елизавета Дворецкая

Оружие скальда.

Книга первая

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Оружие Скальда. Книга 1

«Автор»
1997

Дворецкая Е. А.

Оружие Скальда. Книга 1 / Е. А. Дворецкая — «Автор», 1997 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0624-3

При случайной встрече на морском побережье Торвард, конунг фьяллей, невольно убил Скельвира, приняв его за Бергвида Черную Шкуру, своего давнего врага. У Скельвира нет сыновей, за него некому мстить. Его дочь, Ингитора, оказывается перед выбором: выйти замуж и предоставить право мести мужу или же попытаться сделать это самой. Она не воительница, зато обладает сильным поэтическим даром, и мстит за смерть отца, складывая о Торварде позорящие стихи. Но этой мести деве-скальду показалось мало. Эгвальд, сын конунга слэттов, влюблен в нее и хочет видеть своей женой. И тогда она посылает его с войском на Торварда, желая получить голову своего врага…

ISBN 978-5-9717-0624-3

© Дворецкая Е. А., 1997
© Автор, 1997

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 39
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Елизавета Дворецкая
Оружие скальда. Книга 1

О мести всегда двойная молва: одним она кажется справедливой, другим – наоборот.
«Сага о Ньяле»

Глава 1

Ингитора вышла из дома и сразу услышала на дворе шум возбужденных голосов.

– Да где же хозяйка!

Перед свинарником стояла скотница Гудрун, держа на весу корыто. Завидев хозяйскую дочь, женщина шагнула к ней, продолжая говорить на ходу.

– Йомфру, хоть ты уйми ее! Старая ведьма совсем рехнулась! Она опять говорит, что видит духов, и даже дух Гейра! Вели ей замолчать, Асгерд уже плачет из-за нее!

– Я не могу это слушать! – Асгерд, жена Траина Хромого, маленькая худощавая женщина с острым носом и почти незаметными бесцветными бровями, всхлипнула и прижала к лицу длинный край головного покрывала. – Я не могу! Она опять говорит, что видит духов! И дух Гейра! Я не могу этого слышать! Это что же значит – что мой сын по…поги… – Она судорожно вдыхала, точно ужасное слово встало ей поперек горла. – Это неправда, неправда!

– Конечно, неправда! – решительно поддержала ее Гудрун. Поставив корыто к стене свинарника, она обняла Асгерд за плечи. – Не плачь! Старуха всегда была полоумной! Ей самой пора мешок на голову, да в море! Вот увидишь, Гейр вернется, и все будет хорошо! Выкинь из головы! Я правильно говорю, йомфру?

– Правильно! – согласилась Ингитора, стараясь говорить бодро. – Что же может случиться? Они же не на войну поплыли!

– Но им может встретиться какой-нибудь «морской конунг»!

– Если встретится, ему же будет хуже! – решительно ответила Ингитора.

Но и ее терзали тайные сомнения, четвертый день лишая покоя. Старая Ормхильд имела способность видеть духов-двойников, которые, как известно, появляются только перед самой смертью человека. Если кому-то приходила пора умереть, она всегда предупреждала об этом заранее. И трудно было не верить ей сейчас, только потому, что верить не хотелось. Позавчера ей за воротами померещились Вандиль Белка и Сварт Бубенчик, бледные и залитые кровью – двое из дружины, которая ушла в море вместе с отцом Ингиторы, Скельвиром хёвдингом. Вчера возле самых дверей она якобы повстречала Бегера Проворного и обоих сыновей Кетиля Башмачника, Гисля и Эгиля. Уже чуть ли не половина дружины Скельвира, уехавшая с ним на Квартинг, в виде духов-двойников по очереди возвращалась домой. Страшный счет увеличивался, и уже одолевало жуткое чувство, что он так и будет расти, пока к воротам, в виде бледных теней, видимых только Ормхильд, не вернутся все сорок два путешественника, а оставшиеся дома так и не узнают, что с ними стало…

Теперь вот очередь дошла и до Гейра. «Хоть бы ребенка пожалела!» – в сердцах подумала Ингитора о старухе, как будто та могла не только предсказывать, но и сама влияла на происходящее. Гейру было всего тринадцать лет, и он впервые пошел в поход под присмотром своего родного дяди, Асварда Длинноногого. Отец Гейра, Траин Хромой, стоял сейчас в дверях кладовки – с тяжелой связкой ключей у низко повязанного пояса, с деревяшкой на правой ноге, от самого колена. Когда-то он сам был хирдманом Скельвира хёвдинга, но, потеряв в битве ногу и чудом выжив, остался в Льюнгвэлире присматривать за челядью. Бессознательно пере-

бирая ключи, он переводил взгляд с жены на Ингитору и тоже, казалось, ждал, чтобы хозяйская дочь его успокоила. Он не хотел, чтобы их единственный сын так рано отправлялся в поход, но отпустил, потому что Скельвир хёвдинг собирался всего лишь в гости до Середины Зимы. Никакой опасности не было…

– Где она? – спросила Ингитора у женщин. – Я сама с ней поговорю.

– Да вон! – Гудрун махнула рукой в сторону ворот. – Вон, каркает ворона. Нам Сколь сказал, он слышал.

Со стороны моря дул сильный прохладный ветер, с шорохом качались кустики вереска, давшие название усадьбе Льюнгвэлир – Вересковые Поляны. Еще от ворот Ингитора увидела Ормхильд. Старуха стояла над обрывом морского берега, ветер трепал края ее темной облезлой накидки, и она в самом деле походила на ворону. Обратив лицо навстречу шуму моря и закрыв глаза, старуха тянула носом воздух. Она уже несколько лет почти ничего не видела и головную повязку надвигала на самые брови, чтобы уберечь слабые глаза от слишком резкого света. Зато нос у нее был крупным и так решительно устремлялся вперед, что походил на птичий клюв. Казалось, этим носом Ормхильд не просто чует все запахи на день пути вокруг, но и видит лучше, чем глазами.

Ингитора подошла ближе, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания старухи. Ее пробирала мелкая дрожь. Не может быть, чтобы все это оказалось правдой! Шесть, восемь, десять смертей в одном походе – она не помнила в своей жизни таких несчастий!

– Орел расправил крылья, подул ветер! – разобрала Ингитора в бормотании Ормхильд. – Пожиратель Трупов расправил крылья на самом краю небес! Ветер летит над миром! Привет тебе, Грани! Привет тебе, Рандвер! Вольно ж тебе скакать на спине вихря – конь диковат, да ты теперь не боишься падать! И ты спешишь домой, Хёгни Силач! Тоже хочешь погреться у родного очага! О, привет тебе, славный Скельвир хёвдинг! Привет тебе! И ты по пути в Валхаллу зашел проведать свой дом! Привет тебе!

Ингитора сильно вздрогнула, как будто ее ударили. Поначалу она опешила, услышав еще три новых имени, но замыкал цепочку сам Скельвир хёвдинг! Отец! Это было так невероятно, что Ингитора пошатнулась и ощутила скорее возмущение, чем испуг: да это просто наглость – пророчить смерть ее отцу! Это невозможно!

И в то же время где-то рядом разверзалась пропасть, даже еще пока она не верила. Дыхание перехватывало, воздух замирал в груди и становился чем-то твердым, по голове под волосами бежали ледяные ручейки, руки начинали дрожать, а ноги слабели.

– Что ты несешь, безумная! – с возмущением вскрикнула Ингитора. – Опомнись! Ты назвала моего отца! Этого не может быть! Ты не видела духа моего отца! Говори же – не видела!

Ормхильд резко повернулась, сжала перед грудью сухие руки со скрюченными пальцами, похожими на птичьи когти. Раскрыв тусклые глаза, она силилась рассмотреть стоявшую перед ней девушку.

– Как я могу не узнать хозяина, когда я всю жизнь прожила в его доме? – проскрипела в ответ старуха. – Я была здесь, когда он родился, я была на его свадьбе, я буду на его погребении. Скоро он вернется домой! Только жена увидит его, а он ее нет!

Ингитора резко повернулась и бегом пустилась назад к воротам усадьбы, будто пыталась убежать от слов помешанной старухи. Пусть они останутся на берегу, пусть их унесет и развеет ветром! Всякая смерть – горе, жаль будет, если Аудун, Рандвер и другие не вернутся живыми. Все это знакомые лица, она привыкла к ним, они составляли часть дома, округи, часть ее мира. И Гейр – обидно погибнуть в первом же походе! Но отец! Он был основой и началом ее вселенной, казалось, он, как сам Один, существовал всегда и будет существовать всегда! Ингитора не могла даже представить, что отец не вернется, никогда больше не будет сидеть на хозяйском месте в гриднице. При одной мысли об этом очертания гор, моря, неба дрожали в глазах Ингиторы, будто все это собиралось рухнуть. Отец был для Ингиторы важнее всех на свете,

и она часто жалела, что не родилась мальчиком – тогда она уже семь лет сопровождала бы его в походах. Пора ожидания тянулась для нее долго, и не верилось, что это ожидание станет вечным. Это нелепо, невозможно!

– Ну что, ты нашла ее? – окликнула ее во дворе Гудрун. – Велела ей замолчать?

Ингитора повернулась, и женщины умолкли. Лицо хозяйской дочери горело гневом, словно ей нанесено оскорбление, ноздри раздувались, но губы были плотно сжаты. И все поняли: судьбу нельзя заставить замолчать.

* * *

– Корабль идет по фьорду! Корабль во фьорде! – кричали во дворе. – «Медведь» возвращается!

Возвращается! Фру Торбьёрг выронила решето и рассыпала муку – она сама всегда ставила опару, поскольку у нее была легкая рука на хлеб. Лицо матери побледнело и вытянулось, и у Ингиторы похолодело внутри. Возвращается! Отец уплыл, собираясь гостить на Квартинге до Середины Зимы и еще немного, пока не разъедутся гости с зимних пиров, то есть ждать его предстояло еще больше трех месяцев. Но он возвращается! За это время он не мог даже сходить на Квартинг и обратно, а значит, повернул назад с дороги. Почему? Едва ли глазастые пастухи смогли принять за «Медведь» какой-нибудь чужой корабль. А если Скельвир вернулся с дороги, это значит, и впрямь что-то случилось! И, может быть, окажется, что это правда – что Аудун, Хёгни, Ранвер, Эгиль… Но только не…

Ингитора бросилась вон из дома. Все эти дни она не находила себе места, томилась при мысли, что предстоят еще долгие месяцы неизвестности. От этой тоски подкашивались ноги и даже сидеть было трудно, словно из тела вдруг вынули все кости, и хотелось опустить голову на скамью. Внезапная новость о возвращении «Медведя» толкнула ее из этой расслабленной тоски к такому же томительному лихорадочному возбуждению – хотелось бежать быстрее, быстрее, по воздуху перелететь через фьорд и сразу оказаться на корабле, который еще не подошел к причалу.

– Пустите, я расскажу хозяйке! «Медведь» возвращается! – кричал пастушонок Сколь, стараясь пробиться через толпу.

Женщины и рабы обступили мальчишку и не пускали к хозяйскому дому.

– Как же это может быть «Медведь»! – гомонили они. – Что-то слишком быстро!

– Он сейчас должен быть только на Квартинге!

– А назад он вернется не раньше, чем через месяц после Середины Зимы!

– Я не напутал! Это «Медведь»! Посмотрите сами!

– А может, он и вернулся! – раздался от дверей голос фру Торбьёрг. – Может быть, к Квартингу вышел Бергвид Черная Шкура, а Скельвир хёвдинг не из тех, кто ищет напрасной гибели. Пойдемте!

Галдящая толпа женщин, челяди, детей, с ними десяток оставшихся в Льюнгвэлире хирдманов повалили к берегу моря. Ингитора бежала впереди всех. Отец! Только бы увидеть его, только бы он был жив! Сейчас она будет все знать. Если она его увидит – какое облегчение, какое блаженство… Если нет… При мысли об этом Ингитора чувствовала дурноту. Но вот сейчас все кончится, все станет ясно…

Перед ней лежал Льюнгфьорд. Изогнутый серп серебристо-серой воды блестел под солнцем, обрамленный склонами зеленых гор. Вдали, у самого горла фьорда, виднелся корабль. Заслонив рукой глаза от солнца, Ингитора щурилась, стараясь его рассмотреть. «Медведь» был уже не новым кораблем, Ингитора помнила его с детства и знала в нем чуть ли не каждую доску, от киля, где снизу вырезаны три Руны Прибоя – Райдо, Эваз, Лагу, – до верхушки мачты, где поблескивал бронзовый флюгер в виде изогнувшегося дракона, который старательно начи-

щали перед каждым новым выходом в море. Сердце сжималось, словно это приближается не отец, а злейший враг…

Вдруг даже захотелось, чтобы это оказался не он. Великие боги, святые властители, пусть это будет не он. Пусть это будет кто угодно, хоть Бергвид Черная Шкура, только не «Медведь». Раньше Ингиторе и в голову бы не пришло, что она будет ждать корабль своего отца с ужасом.

Обитатели усадьбы догнали ее, кто-то встал рядом на берегу, кто-то спустился к причальной площадке возле корабельного сарая. Женщины тревожно гудели, дети подпрыгивали от нетерпения.

Корабль приближался. Уже видно было, как блестят на взмахах мокрые лопасти весел, показалась резная голова медведя на переднем штевне и даже бронзовый флюгер-дракон. Сверху открывался вид на все, что делается внутри корабля. В глаза бросилась жуткая пустота – на скамьях сидела всего половина людей! Половина! Где же все? Ингитора в ужасе обшаривала корабль взглядом, но не видела никаких следов битвы, «Медведь» не получил повреждений и выглядел так, как и полагается кораблю заботливого и состоятельного хозяина. Но где же люди? Быстро росло чувство недоумения и ужаса, как будто их обокрали. Но… Эгиля с Гислем нет, как и предсказывала Ормхильд… И Вандиля Белки нет, а его рыжую голову не проглядишь…

Каждого уже можно было узнать. Вон кормчий Бьярни на сиденье возле руля. Вот Оттар на носу, за ним Сэмунд Бородач с его знаменитой бородой, из-под которой даже пряжки пояса не видно… с перевязанной кистью правой руки, из-за чего он не гребет, а просто сидит, хотя парус уже свернут. Несколько человек лежат на дне. Вон Арнвид Бражник сидит, вытянув ногу с привязанными двумя дощечками, и смотрит на толпу на берегу… Очевидно, что если не корабль, то дружина в бою побывала.

Взгляд легко скользил по головам негустой толпы на корабле, и с каждым мгновением в груди разрасталась пустота, как будто каждый удар сердца отрывал новый кусок. Его не было. Отца не было, но Ингитора упрямо шарила взглядом по кораблю, от носа до кормы и обратно, выискивая знакомую крепкую фигуру, синий плащ с золоченой застежкой, подарком Хеймира конунга, непокрытую голову с повязкой через лоб, державшей волосы. Она сама вышивала ему эти повязки – она занималась только этим, единственным родом рукоделия, и отец говорил, что они приносят ему удачу. Ингитора как будто надеялась, что сила ее взгляда вытащит его из какой-то щели, в которую он почему-то спрятался, из небытия, из той жуткой дыры, куда он попал и куда тянуло саму Ингитору. Его не было…

Внутри медленно разливался мучительный холод, и хотелось сесть на землю, чтобы получить хоть какую-то опору. Его нет…

В глаза бросилось что-то длинное и темное, уложенное возле мачты. Какой-то сверток, обернутый в знакомый синий плащ. У более широкого конца свертка виднелся знакомый щит: большой, круглый, обтянутый красной кожей, с большим бронзовым умбоном в виде медвежьей головы с открытой пастью. В свое время этот умбон очень дорого обошелся, но работа того стоила. В пасти медведя был виден каждый клык, на шкуре выделялась каждая прядь густой шерсти, и Скельвир хёвдинг уже не раз переносил его со старого, пострадавшего в бою щита на новый. Под умбоном щит оказался разбит, нижний край обломился.

Теперь сомневаться и надеяться было невозможно. По первому побуждению Ингитора чуть не бросилась с обрыва вниз, в серые холодные волны. Удержало ее только желание услышать от других, что *это* правда.

Позади нее стояла толпа, домочадцы из усадьбы и соседи-рыбаки, и толпа эта шелестела, как лес под ветром, но Ингитора не разбирала ни одного слова. Ноги ее сами по себе шли с обрыва к причалу, а душа парила, как подвешенная. Весь мир вокруг казался хрупким и ненадежным, как тонкий лед. Хотелось завопить, завизжать, чтобы отпугнуть этот ужас, но в

то же время казалось, что от этого крика рухнет само небо, что горы и море повалятся кучей бессмысленных обломков… Потому что ее, Ингиторы, мир уже рухнул…

Корабль подошел к причалу, Стуре Гневливый перепрыгнул с канатом, чтобы привязать «Медведя» к столбу, еще двое перебросили сходни на деревянный настил. На встречавших они старались не смотреть, точно не родные и близкие толпились перед ними после месячной разлуки, а деревья чужого леса. Лица прибывших выглядели виноватыми и удрученными. Выходя с корабля, они не поднимали глаз выше ног фру Торбьёрг, стоявшей на высоком плоском камне. С этого камня она всегда приветствовала их возвращение. На этом камне она встречала мужа. Сейчас Скельвир вернулся к ней на своем щите. Все было ясно. Женщины, кто так же, как Ингитора, искали на корабле своих и не находили, подняли крик и плач. Асгерд исступленно рыдала, и рослая Гудрун едва могла удержать ее, чтобы не дать разбить себе голову о камни. Ингитора видела их, и ей почему-то казалось, что все они плачут над ее горем, а не над своим.

Оттар и Торкель вынесли с корабля длинный сверток, покрытый синим плащом. Ингитора не сводила с него глаз. Это и есть долгожданная встреча… Не оборачиваясь, Ингитора слышала сзади тихое тяжелое дыхание матери. Крик рвался из ее груди и грозил разорвать, если она его не выпустит, от подступающего желания зарыдать судорогой свело челюсти. Но она молчала, мертвой хваткой сжав серебряные подвески на груди.

Двое хирдманов молча положили свою ношу на землю у Встречального Камня. Выпрямившись, Оттар мельком встретил взгляд Ингиторы и тут же опустил глаза. Ему было нечего ей сказать.

* * *

А поначалу ничто не предвещало беды. Дружина Скельвира остановилась на ночлег на Остром мысу. Пока готовился ужин, Асвард и Гейр вдвоем отправились осмотреть местность. Острый мыс, южная оконечность полуострова Квиттинг, лежит на весьма оживленном перекрестке морских дорог, и редкий ночлег здесь обходится без встречи. А встречи бывают разные…

– Асвард, посмотри! Да иди же быстрее! Там тоже огонь!

Гейр, первым добравшийся до вершины скалы, обернулся и призывно замахал руками. Ему недавно исполнилось тринадцать лет, это был его первый поход, и все происходящее вокруг непомерно будоражило его. А тем более такое событие, как обнаружение соседей по стоянке.

Быстро сгущались серые осенние сумерки, поблизости глухо шумело море. С вершины скалы хорошо была видна оконечность мыса, острая и длинная, похожая на язык дракона, который из последних сил приполз к воде и тянется, чтобы напиться. Справа, где мыс расширялся, виднелось несколько построек усадьбы, обнесенной насыпью с бревенчатым частоколом. Гейру и в голову не приходило, что он взобрался на Престол Закона, священную скалу, перед которой в течение веков собирался тинг племени квиттов и с которой самые знатные люди, конунги, хёвдинги и ярлы, произносили речи, выносили судебные решения, провозглашали мир или войну. Еще лет тридцать назад на Остром мысу было одно из самых крупных поселений Морского Пути. Многолетняя война между племенами квиттов и фьяллей разорила его и смела с лица земли. Вот уже много лет здесь чернели только угли пожарищ, понемногу зарастающие кустарником. Правда, лет пять назад эту запустелую землю получила во владенье одна совсем юная, но очень отважная женщина: Хильда дочь Вебранда, по материнской линии происходившая из рода Лейрингов, который до войны жил и властвовал на Остром мысу. Она поставила здесь усадьбу, которую назвала Фридланд, что значит Мирная Земля, и

охотно давала приют всем проезжающим. Вот только сегодня ее, на беду Скельвира хёвдинга, не оказалось дома, а без хозяйки челядь не решилась открывать ворота незнакомым людям.

Асвард, длинноногий и худощавый хирдман лет тридцати, неспешно поднимался по уступам скалы, опираясь на длинное копье. Он приходился Гейру дядей по матери и в походе старался не отпускать его далеко от себя.

– Ну, что ты раскричался? – спросил он, поднявшись на вершину, где имелась довольно широкая ровная площадка, и встав рядом с племянником. Свежий морской ветер трепал длинные волосы Асварда, шевелил светлые кудряшки на затылке у Гейра.

– Видишь – костры! Прямо как целое войско!

С юго-западной части мыса, между скалами, защищавшими от ветра, еще кто-то устроился на ночлег. Костров горело не меньше десятка, а скорее полтора, над огнем висели большие черные котлы, и вокруг каждого плотным кругом сидели люди, греясь в ожидании, пока еда будет готова. Поблизости, где гряда между сушей и морем опускалась пониже, на волнах тяжело покачивалось целых пять кораблей, два больших и три поменьше. Над прибрежной скалой возвышались только передние штевни; два самых высоких, как опытным взглядом определил Асвард, принадлежали крупным боевым кораблям, вёсел на двадцать пять по каждому борту. Людей на берегу было сотни полторы, и Асвард присвистнул:

– Да, ты прав, похоже на войско! Или, скорее похоже, кто-то ездил дань собирать! Корабли тяжело нагружены, низко сидят, а у того, видишь, что справа, голова позолочена? Видишь, блестит? Похоже на знатного человека!

– А это не может быть Бергвид Черная Шкура? Ведь тут самые его места! Он тут так и рыщет, ведь правда? – допытывался Гейр, и в его голосе звучало больше возбуждения, чем страха.

Ему очень хотелось в первом походе пережить что-нибудь необыкновенное, и он был бы очень разочарован, если бы они вернулись домой, в Льюнгвэлир, без единого дорожного приключения.

– Нет, это едва ли может быть Бергвид. Ведь их тоже не пустили ночевать во Фридланд, раз они тут уже кашу варят. А Бергвида пустили бы и без хозяйки, поскольку он ее брат, – разочаровал его Асвард, сам нимало не разочарованный. – А мы с тобой могли бы и пораньше догадаться, что надо бы сходить оглядеться!

– Но кто это? Кто это может быть? Ты не знаешь эти корабли?

– Скорее всего, это не квитты, – Асвард щурился, стараясь что-то рассмотреть в густеющих сумерках. – У того, золоченого, на штевне дракон – скоре всего, это фьялли!

– Фьялли! – Гейр возликовал, словно ничего лучше нельзя было и придумать. – Смотри, какой огромный корабль! Скамей на тридцать, а то и больше!

– Ну уж и на тридцать! – усомнился Асвард и снова вгляделся. – А впрочем… может быть… Странно, где они нашли такое дерево на киль…[1]

– Так у них же ведьма! Их кюна же – ведьма! Она им наколдовала такое дерево! – Гейра переполняли самые бурные и восторженные чувства, хотя и по совсем не подходящему поводу. – Вот здорово! Такой корабль впору конунгу! Тебе так не думается? Как по-твоему, это может быть их конунг?

– Да мало ли кто? – неохотно ответил Асвард. Он пошел в свой первый поход в тот самый год, когда Гейр появился на свет, и с тех пор успел пережить больше приключений, чем ему хотелось бы. – Конечно, на свете нет ничего невозможного, и это вполне может быть Торвард конунг. Но я бы не сказал, что это повод веселиться.

[1] Киль корабля делался из цельного бревна, поэтому размер корабля ограничивался размером дерева, которое можно было раздобыть.

– Конечно, чего же тут веселиться! – с самым радостным возбуждением, которое совсем не вязалось со смыслом слов, отвечал Гейр, от волнения дергая Асварда за кожаный рукав. – А вдруг он что-то замышляет против нас! Он же нас ненавидит! Скельвир хёвдинг был там, когда убили его отца! Он так и не отомстил Хельги ярлу, а значит, будет мстить всем, кто при этом был, кого он только встретит! А мы же… Скельвир хёвдинг…

– Ну, Скельвир хёвдинг здесь ни при чем! – осадил его Асвард. – И Хельги ярл уже третий год плавает по южным морям, так что ни один мститель не станет поджидать его на Остром мысу. Запомни, друг мой: настоящий воин не бегает ни *от* опасности, ни *за* опасностью! И не надо выдумывать себе приключений, пока они не пришли сами. Из тебя не выйдет толкового воина, если ты будешь так суетиться из-за всякого пустяка.

– Я вовсе и не суетюсь… суечусь… Тьфу, ладно! – запутавшись в слове, Гейр обиженно махнул рукой и опять подумал, что дядька, как видно, все еще считает его маленьким.

– А что же ты делаешь? – поддразнил его Асвард. – Прыгаешь, машешь руками, как будто заклинаешь бурю! «А вдруг он что-то замышляет!» Да у тебя на лице написано, что тебе именно этого и хочется! Большими красными рунами, прямо посреди лба!

– А ты читать не умеешь! – обиженно пробурчал Гейр и отвернулся.

– Правильно, посмотри лучше туда! – одобрил Асвард. – Вот это будет поважнее!

Теперь они оба смотрели в море. В нескольких перестрелах от берега лежал плоский низкий островок, скорее даже большой камень, едва виднеющийся над водой и пропадающий во время прилива. Еще на памяти старых мореходов его называли просто Флатейбак – Плоская Спина. Но вот уже тридцать лет, как он получил новое название – Тролленхольм, то есть Остров Колдунов. Тридцать лет назад, когда между квиттами и фьяллями состоялась последняя большая битва, в войске квиттов находились три могущественных колдуна. Одного из них звали Сиггейр, и он жил в главном святилище племени квиттов, Тюрсхейме, пока из-за войны оно не оказалось заброшено. Второго звали Альрик Сновидец, он был воином и ясновидящим, лучше всех умевшим разгадывать сны. Третьего звали Рам Резчик, он славился как искуснейший кузнец и чародей, и оружие, вышедшее из его рук, не имело себе равных. Рассказывали и о четвертом колдуне, по имени Кар. Он погиб еще до битвы, но впоследствии присоединился к трем другим. В той битве, которую потом стали называть Битва Чудовищ, трех колдунов одолела Хёрдис Колдунья, жена конунга фьяллей Торбранда.[2] Своими заклятьями она лишила их сил, но ни один человек не посмел убить колдунов. Тогда Хёрдис приказала связать их, надеть им на головы по кожаному мешку и оставить их на Флатейбаке. Когда наступил прилив и вода поднялась, колдуны погибли. Но духи их остались на островке, и один раз в месяц, на перемене лунной четверти, можно было увидеть одного из них. Но если встреча с Альриком или Сиггейром ничем особенным не грозила, а встреча с Рамом считалась даже благоприятным предвестьем, то появление Кара обещало неожиданные и большие неприятности. Кар выходил в полнолуние, а сейчас шла как раз последняя, третья ночь полной луны. Ночь Кара.

Поглядев в сторону Тролленхольма, Гейр вздрогнул и вцепился в локоть Асварда. Над темным шумящим морем носились четыре ярко-синих огонька. Они дрожали и переливались, плясали над невидимой водой, рассыпая снопы искр разных оттенков, от серебристо-белого до густо-фиолетового. Ветер шумел над морем, и казалось, что где-то далеко заунывные голоса тянут и тянут заклинание на непонятном древнем языке. В снопах блестящих искр Гейру мерещились человеческие фигуры, одетые в странные одежды, с рогами на головах и с длинными хвостами позади; они плясали, заклинающе взмахивали руками, взмывали в воздух и застывали в нем, чтобы одновременно же оказаться в другом месте, раздваивались, растраивались, сливались одна с другой и снова расходились… Вид их шальной пляски завораживал, кружил, мутил рассудок, затягивал, и возникало тягучее желание броситься со скалы головой вниз.

[2] Подробно об этом в романе «Корни гор».

– Я никого не боюсь! – бормотал Гейр, не в силах оторвать глаз от Тролленхольма и с трудом сдерживая желание спрятаться за неширокую, но крепкую спину родича. – Никого не боюсь, даже если бы на меня напала стая волков или десяток разбойников… хоть сам Бергвид Черная Шкура… Но вот духи…

– Помолчи! – тихо прервал его Асвард. – Не надо поминать попусту ни волков, ни разбойников, ни тем более Бергвида Черную Шкуру. Я верю в твою храбрость, мой друг, но если мы встретим его, то твой первый поход станет, скорее всего, и последним. И ты не успеешь прославить толком твое имя и твой род. Так что пойдем лучше к кораблю. А не то Скельвир хёвдинг подумает, что нас тролли унесли. Пойдем-ка. Скельвиру хёвдингу следует поскорее узнать, что у нас весьма многочисленные и грозные соседи. Может, они ничего не замышляют, но когда их примерно вчетверо больше… Эти синие огни над Тролленхольмом, как говорят, не к добру!

Ничего не ответив, Гейр первым кинулся вниз по широким уступам скалы, и оба пропали в темноте.

* * *

Торвард конунг тоже очень хорошо понимал, в каком опасном месте ему пришлось в этот раз ночевать. Когда «Крылатый Дракон», в обиходе «Златоухий», пристал к берегу, первое, что сделал конунг фьяллей, это послал Регне посмотреть, нет ли у них каких соседей. На Остром мысу имелась большая вероятность повстречать Бергвида Черную Шкуру, и эта встреча разбила бы надежды на спокойный ночлег.

Регне, парень лет двадцати трех, невысокий и подвижный, ловко перепрыгнул с борта на берег, который скалистой грядой выходил прямо из волн, спустился вниз и побежал к возвышению, откуда открывался вид на весь Острый мыс. Пока он бегал, пять тяжелых кораблей с осторожностью подвели к крутому берегу, перебросили сходни. Несколько человек выбрались на камень, им бросили канаты, чтобы привязать к старым железным кольцам, вбитым в скалу. Когда-то здесь приставали корабли квиттингских конунгов, если из-за тяжелого груза не могли быть вытащены на берег там, где сейчас находился причал Фридланда. «Златоухий», дреки на двадцать восемь скамей, любой назвал бы достойным преемником тех давних кораблей. Резную голову дракона на его переднем штевне украшали огромные уши, больше похожие на крылья, с гребнем по верхнему краю, и поэтому его настоящее название было «Крылатый Дракон». Но с легкой руки самого же Торварда его стали называть сначала «Ушастый», а потом, когда пару лет назад после особенно удачного летнего похода Торвард приказал вызолотить гребни на деревянной драконьей голове, хирдманы прозвали его «Златоухим».

Вернулся Регне и еще издалека закричал:

– Ничего опасного! Это какие-то слэтты! – стал докладывать он, подойдя ближе. – Снека на двадцать весел, груза особого не видно. Хозяина видел, но я его не знаю. На носу – медведь. В смысле, на штевне, деревянный. Людей человек сорок.

– Ну, слэтты, тролль с ними! – Торвард махнул рукой. – Давай, Кетиль, пройдись до Фридланда, спроси, не примет ли меня на ночлег высокородная йомфру Хильда.

– А к слэттам не хочешь кого-нибудь послать? – спросил Халльмунд ярл, его дальний родич и ближайший товарищ. – Может, у них там слышно что-нибудь о возвращении Хельги ярла?

– Не хочу! – резко отозвался Торвард конунг. – К троллям его…

Кетиль Орешник, один из четырех его телохранителей, на чье звание указывала тяжелая серебряная гривна на груди, пошел знакомой тропой к усадьбе. Прежде случалось, что во Фридланде Торварда конунга принимали весьма и весьма любезно, о чем между хирдманами ходило немало замечаний и многозначительных усмешек, более лестных для конунга, чем для

девицы-хозяйки. Но сегодня Кетиль вернулся ни с чем: йомфру Хильды не было дома, а без нее управитель не решился принимать гостей. Торвард не слишком огорчился, поскольку желания вести учтивые беседы он сейчас не ощущал, и приказал располагаться на ночлег прямо на берегу. Каменистая гряда защищала от осеннего ветра, и под ней, как за стеной, можно было совсем не плохо устроиться. На месте заброшенного поселения образовалась за многие годы целая путаница беспорядочной растительности: то ли рощи, то ли кустарники, правда, за лето изрядно помятые ночевавшими здесь мореходами, но разросшийся ельник стоял стеной, а мелкие молодые елочки выбегали почти к самому морю, так что лапника на подстилки хватило всем. Вскоре под защитой скалы уже пылали костры, сложенные «навесом», на случай если мелкая морось перейдет в настоящий дождь. Старый Кольфинн, ведавший в походах съестными припасами, деловито бегал между кострами и самолично помешивал к больших железных котлах, где варилась похлебка из свежей рыбы, купленной по дороге, пшена и лука.

Несмотря на прохладу осеннего вечера и ветер, несущий мелкие капли холодного дождя, фьялли были веселы: их поход прошел удачно, и дней через десять плавания вдоль побережья им предстояло порадовать домашних отличными припасами на зиму.

– Как раз успеем к осенним пирам! – радовались хирдманы. – Пива наварим!

В каменистом, покрытом горами Фьялленланде плодородной земли насчитывалось мало и всего урожая ячменя, который удавалось собрать, едва хватало на пиво. Кормились в основном скотом, который пасли и на горных лугах, и в лесу, а еще рыбой, промыслом лесного и морского зверя. Каждую зиму конунг фьяллей собирал дань: бочонки соленой рыбы и коровьего масла, выделанные шкуры и кожи, овчины, меха, пряжу, полотно, разные поделки из кости – особенно славились искусно сделанные фьялленландские гребешки. В подступах к Черным горам имелось несколько медных рудников, у моря собирали янтарь. Весной все это за серебро продавалось на Ветровом мысу, где находилось большое торговое поселение, а осенью, после жатвы, фьялли снаряжали корабли за ячменем и рожью – или в тот же Винденэс, или еще дальше, в говорлинский город Ветробор, где имелся большой хлебный торг. На сей раз Торвард конунг возвращался оттуда с пятью кораблями. Три крупных кнёрра были нагружены до предела, так что их не получалось вытащить на берег, и даже на обоих боевых кораблях, на «Златоухом» Торварда и на «Единороге», почти таком же большом и совсем новом лангскипе Халльмунда ярла, лежали бочонки, тюки и мешки. У говорлинов выдался урожайный год, цены на хлеб упали, зато соленой рыбы купцы с юга стали брать больше, так что Торвард конунг смог даже какую-то часть своих товаров выделить «на баловство» – на красивые дорогие ткани, расписную посуду, вино к праздникам. Ярлы и хирдманы тоже прикупили кто чего и теперь предвкушали, как обрадуются подаркам домочадцы. С таким настроением ночевка под открытым осенним небом казалась ерундой.

В ожидании, пока похлебка будет готова, Торвард конунг сидел на куче лапника, опираясь локтями о поднятые колени и отрешенно глядя в огонь. Как дома, в Аскегорде, он без посторонних предпочитал сидеть не на почетном сиденье конунга, а среди дружины, так и в походе он ел и спал в одном кругу со своими хирдманами, а во время плавания греб длинным носовым веслом. Тяжелое носовое весло ему приходилось как раз по рукам. Торвард был, без сомнения, одним из лучших воинов Фьялленланда – это тот нечастый случай, когда первый по положению действительно является сильнейшим. Высокий, крепкий, широкоплечий, длинноногий, он выделялся в дружинном ряду, и любой узнал бы его даже без помощи шрама, который пересекал его правую щеку от угла рта до заднего края челюсти и беловатой полосой выделялся на смуглой коже. Из-за шрама Торвард конунг брил бороду, хотя в его возрасте ее уже полагалось отпускать: ему нравилось, что по шраму любой человек в Морском Пути узнает его с первого взгляда. Особенным тщеславием он не отличался, но к мысли о своей исключительности привык. Густыми черными бровями, карими глазами Торвард напоминал

мать, кюну Хёрдис. Свои черные волосы он заплетал, как это в обычае у знатных фьяллей, в две косы по сторонам лица, спускавшиеся ниже плеч.

Луна уже висела меж темных густых облаков – огромная, полная, круглая, как золотое блюдо, окруженная красновато-коричневым сиянием.

– Полночь скоро, – сказал Халльмунд. – Не пора ли спать?

– Ой! – вдруг тихим, каким-то придушенным голосом выдохнул Регне. – По… посмо… три, конунг… Там…

Торвард конунг проследил за его взглядом; вокруг раздалось несколько изумленных криков, многие хирдманы вскочили, так что и Торварду пришлось быстро подняться на ноги, чтобы увидеть… Увидеть то, что к ним приближалось…

Что это такое, поначалу никто не понял. На темной воде, в двух-трех перестрелах от берега, вдруг засветилось бледное голубоватое сияние. Оно становилось все сильнее и ярче, словно голубой огонь разгорался прямо на поверхности осеннего моря, прорастал из глубины. Вот столб огня отделился от волн и по воздуху поплыл к берегу. Никто не мог шевельнуться: от столба голубого пламени исходило леденящее, цепенящее сияние, от которого даже воздух в груди замерзал. Только Торвард почти в беспамятстве поднял руку и схватился за свой амулет-торсхаммер, висевший на груди под одеждой. Маленький кремневый молоточек казался горячим, давая знать, что рядом нечисть. Его тепло согревало, не давало застыть, как застыли все прочие, и Торвард вполне владел собой, хотя был изумлен и полон острого чувства опасности. Он понимал, что это такое. С самого детства он не раз слышал от матери и от старых ярлов рассказы о Битве Чудовищ и о ее последствиях, но ни разу еще не видел их наяву, и вот ему пришлось убедиться, что это не «лживая сага»!

Столб голубого огня приблизился к берегу и вдруг рассыпался. На песок шагнул призрак – мужчина в годах, приземистый, плотный, с разлохмаченными волосами и косматой бородой, которая оставляла на лице открытыми только глаза, и глаза эти горели диким, жгучим, злобным огнем. Всю грудь заливала черная, несохнущая кровь, а в руке он сжимал нож, от которого никогда не мог избавиться, поскольку сам этим ножом лишил себя жизни. Это был Кар Колдун – самый злобный из четырех призраков Острого мыса.

– Вот и ты пришел ко мне, Торвард сын Торбранда! – заговорил он низким, шипящим, злобным голосом, медленно приближаясь к застывшим фьяллям, и зрелище это внушало ужас, как вид ядовитой змеи, подползающей к связанной жертве. Трепет голубого пламени бросал на песок причудливые тени, по берегу разливался пронзительный холод, высасывающий тепло из живых. – Двадцать девять лет я ждал тебя или твоего отца! Твой отец не ушел от моей мести! Вы, фьялли и слэтты, разорили Квиттинг, погубили мою землю! Я погублю вас! Твой подлый отец был убит сыном подлого Хильмира! Теперь между вами вечно будет кипеть неутолимая вражда! Но мало этого! Бергвид сын Стюрмира, мой неутомимый мститель, будет снова и снова наносить вам поражения, пока не погубит вас обоих, как вы погубили его отца! Ты не уйдешь от разящего меча! Он уже близок! Посмотри туда!

Кар Колдун поднял руку с зажатым ножом и показал на восток. Невольно повинуясь, Торвард с трудом повернул одеревеневшую шею. На гребне скалы, заграждавшей от них восточную половину мыса, он при свете луны увидел человека – рослого, могучего, как великан, в блестящем под луной шлеме, с черным тяжелым плащом на плечах, с длинным копьем в одной руке и с большим красным щитом в другой.

И словно молния, ударило осознание. Бергвид Черная Шкура, хозяин и проклятье этих мест!

– Хэй! – крикнул Торвард, разом забыв о Каре и думая только о том, что их беспощадный и непримиримый враг так близко. – Халльмунд! Ормкель! К оружию! Здесь Бергвид! Очнитесь, тролли вас возьми!

Дружина разом дрогнула и очнулась: раздались крики, все схватились за оружие. Кар исчез, но в море, там, где прятался под волнами Тролленхольм, играли столбы голубых, белых, красных, лиловых, остро и резко светящихся искр.

Из-за скалистой гряды с преувеличенной ясностью доносились звуки, знаменовавшие близость большого войска: слышался рев боевого рога, множество голосов, грохот мечей, бьющих о щиты. Дружина фьяллей мгновенно пришла в движение: каждый подхватывал из поклажи щит или копье, хирдманы натягивали шлемы. Сам Торвард торопливо сбросил на землю плащ, вынул меч из ножен и просунул руку в петлю. Регне, побледневший (что, слава асам, скрывала темнота), подал ему щит и копье, с длинным ясеневым древком, со старыми кровавыми пятнами возле стального наконечника, отделанного золотыми узорами на втулке и в рунами Тюр и Альгиз на основании клинка. Не дожидаясь приказов, дружина привычно строилась «свиньей». Всех переполняло тревожное возбуждение: Бергвид Черная Шкура был грозным противником, но жажда одолеть и наконец избавить от него Морской Путь пересиливала тревогу!

Ударим мы сталью
в щит боевой,
с холодным копьем
столкнется копье! —

– доносились из-за скалы слова древней воинской песни-клича.

– Так и мы знаем эту песню не хуже! – рычал Ормкель. – Конунг, пусти меня вперед!

* * *

Дружины фьяллей и слэттов сошлись на широкой каменистой площадке между скалой и берегом моря. Уже совсем стемнело, но огромная полная луна заливала землю таким ярким белым светом, что можно было разглядеть каждый камешек. Сбоку на край площадки падала тяжелая, непроглядно-черная тень от скалы Престол Закона, но сейчас поле тинга стало полем битвы.

Слэтты, спешно поднятые Асвардом и Гейром, вышли на битву все до одного: их насчитывалось вчетверо меньше. Видя перед собой воинственно настроенных фьяллей, с их косами по сторонам лица и изображениями молота на щитах, потрясающих оружием и поющих боевую песню, Скельвир хёвдинг мог испытывать какие угодно чувства, кроме удивления. Пять лет назад Торбранд, конунг фьяллей, был убит на поединке Хельги ярлом, сыном Хеймира, конунга слэттов. Искать мести за это не позволил бы обычай, но смерть отца всегда есть смерть отца, а слишком полагаться на благородство врага опасно – и слэтты втайне ожидали, что при случае сын Торбранда припомнит им эту смерть.

Но Торвард конунг сейчас о том вовсе не думал и был очень далек от намерения нападать на Скельвира хёвдинга из Льюнгвэлира. Он видел совсем другое. Не слэтты стояли перед его глазами, а квитты, и не вороны с распростертыми крыльями, а изображение отнятой руки[3] украшало их щиты. И во главе вражеской дружины он видел не светловолосого, плотного пятидесятилетнего Скельвира с опрятно подстриженной бородой, а темноволосого мужчину лет тридцати пяти, с дикими черными глазами, с черной бычьей шкурой, наброшенной на плечи вместо плаща. Непризнанный конунг квиттов, Бергвид сын Стюрмира, злейший враг Торварда и проклятье Морского Пути стоял сейчас перед ним!

[3] Имеется в виду правая рука бога Тюра, которую тот вложил как залог в пасть Фенрира Волка и которая была откушена.

Славную в бой
соберем мы дружину,
доблестно будут
воины биться! —

– пели фьялли, приближаясь, и на их щитах играли беловато-синие отблески. Кровь кипела в азартном предвкушении битвы, руки сжимали оружие, глаза выбирали ближайшую цель. Четыре синих огня играли каскадами искр над морем, но никто не смотрел на них.

– Один и Вороны! Слава Отцу Ратей! – кричали со стороны слэттов, но до ушей фьяллей доносился лишь невнятный многоголосый шум.

– Молот Рыжебородого! – раздавалось в войске фьяллей. – С нами Тор!

Скельвир хёвдинг видел, что его дружина значительно уступает противнику и числом, и вооружением, но отступление обесчестило бы его. Он недоумевал, как могли фьялли против обычая напасть ночью, но удивляться было не время: если уж ему суждена смерть в битве, он встретит ее так же достойно, как и прожил свою богатую событиями жизнь.

Едва лишь дружины сошлись на расстояние броска, как оба вождя разом метнули копья, блестящими наконечниками вспарывая тьму. Обе дружины, повинуясь данному знаку, с криком устремились навстречу, щит столкнулся со щитом, клинок со звоном ударился о клинок. Схватка мгновенно вспыхнула и ожесточенно закипела по всей площадке между скалой и морем. Над ночным берегом, озаренным тревожным светом луны, бушевал звон оружия, крики ярости и боли, глухие удары о щиты, треск ломаемых копий.

* * *

Асвард рубил мечом, держа щит перед собой, и все время оглядывался назад. Даже в пылу битвы он не мог забыть о том, что где-то здесь его племянник. Опасаясь, как бы не сбылось его нечаянное пророчество о первом и последнем походе, он строго приказал Гейру сидеть возле корабля и близко не подходить к месту битвы. А если что – бежать, как заяц, и думать о матери. «Помни, ты у них один! – внушал он, тревожась даже не столько о самом племяннике, сколько о сестре, которую очень любил и жалел. – Если нам не повезет, то ты едва ли сумеешь что-то изменить». Но не очень-то Асварду верилось, что Гейр его послушает. В первом походе очень хочется отличиться.

За правый бок Асвард не боялся – там бился Оттар. Оттара прозвали в дружине Три Меча – когда он рубил своим Языком Дракона, клинок вращался так быстро, что казалось, будто в воздухе не один, а три меча.

Скельвир хёвдинг сражался впереди своих людей. Надежды выстоять уже не осталось, их быстро теснили, слэтты падали один за другим. Навстречу ему выскочил рослый плечистый фьялль. С правой стороны волосы у него были распущены и мешали увидеть лицо, но его мощная, крупная и ловкая фигура выделялась из толпы, и Скельвир понял, что битва свела его с вражеским вожаком. И вожак этот, более молодой и сильный, но не менее опытный, так же превосходил его, как дружина фьяллей в четыре раза превосходила Скельвирову. В руках фьялль сжимал длинное тяжелое копье, щит был заброшен за спину. Двумя руками вскинув копье над головой, фьялль с силой ударил им в подставленный щит Скельвира. Щит оказался пробит, но Скельвир быстро дернул его вниз, и копье с треском переломилось возле самой втулки наконечника.

Бросив щит, Скельвир метнулся к противнику, стремясь достать его прежде, чем он выхватит меч. Но фьялль вместо этого мгновенно вскинул обломанное древко копья. Лунный луч упал на его лицо, и Скельвир хёвдинг быстрым взглядом увидел его всего – мужчину лет тридцати со шрамом на щеке, тянущимся от правого угла рта назад до самого края к челюсти.

Не веря своим глазам, Скельвир на мгновенье застыл, а фьялль ударил его обломанным концом копья в живот. Удар оказался так силен, и так страшна была боль, что Скельвир хёвдинг согнулся пополам и упал. Больше он ничего не видел. Перед глазами разливалось огненное море, а в ушах быстро нарастал звон, сплетаясь в дикую песню валькирий, опьяненных запахом свежей крови.

* * *

Будут знать
как бился бодро
на мысу
отважный воин!
бил мечом
врагов упрямых,
рассекая кости
в щепки!

– орал где-то в гуще схватки Гудлейв Боевой Скальд. Его потому прозвали так, что божественный дар на него снисходил только в бою, а потом он редко что мог вспомнить из своих стихов. Халльмунд называл плоды его буйного вдохновения просто «говорилками», потому что к настоящим стихам они не имели почти никакого отношения. Воспевал Гудлейв в основном свои собственные подвиги, но эти крики подбадривали дружину, давая знать, что он сам еще жив. Сегодня же он вопил особенно вдохновенно, счастливый возможностью доблестно пасть в битве не с кем-нибудь, а с самим Черной Шкурой, у которого в этот раз было вдвое больше войска! Вокруг одного Гудлейва толпилось не меньше десятка врагов, и он пылко орал, бросив разрубленный щит и зажав рукоять меча сразу двумя руками:

Бился сам
герой отважный
средь полков
бессчетных квиттов!
Блюдо битвы[4]
Фрейра рати[5]
Был разбит
врагом коварным!

Вдруг неведомо откуда перед ним выскочил квитт огромного роста, с длинным мечом в руке…

…Вертясь в гуще схватки и видя вокруг себя одних фьяллей, Гейр искал Асварда. Он ясно слышал голос родича, зовущий его на помощь. Разве мог он усидеть на месте, когда идет бой, когда Асвард зовет его! Гейр любил брата матери, хотя тот нередко над ним посмеивался, и очень боялся, что уже не успеет помочь. Да где же он? Ни Асварда, ни кого-то другого из своих Гейр не видел.

Перед ним оказался какой-то длиннорукий фьялль, рубящий мечом направо и налево и что-то орущий во все горло. Выглядел он особенно дико, потому что перед ним никого не было

[4] То есть щит.

[5] Кеннинг мужчины-воина.

и он увлеченно сражался с тенями от скал, падающими на площадку сверху. Увидев Гейра, фьялль устремился к нему, взмахнул мечом, но ударил почему-то на локоть выше Гейровой головы – даже был слышен свист, с которым клинок рассек воздух. По волосам погладила смерть, но подросток, не растерявшись, сам бросился вперед и ударил фьялля мечом по бедру.

Ощутив жгучую боль, на полуслове прервав стих, Боевой Скальд вдруг увидел на месте того великана, через шею которого меч пролетел, не причинив вреда, подростка лет тринадцати, со светлыми кудряшками, с испуганно-изумленным и вместе с тем решительным лицом. На миг опешив, Гудлейв застыл, не понимая, куда делся тот бессмертный квитт и откуда тут мальчик, но тот вдруг дернулся вперед, изо рта его рванулся поток крови, а из середины груди выскочило железное жало. Мальчик упал лицом вниз, а у него за спиной обнаружился Ормкель Неспящий Глаз.

– Что ты замолк, Боевой Скальд? – окликнул он Гудлейва, выдергивая копье из тела. – Это не последний! Смотри, их еще полсотни!

– Да где же? – Гудлейв обернулся.

Внезапно вокруг стало совсем тихо, и они без труда смогли услышать друг друга. Из темноты доносился шум бегущих ног и стоны. На земле тут и там лежали тела, но битва кончилась так же мгновенно, как и началась.

* * *

Не слыша и не видя своего вожака, остатки слэттов вскоре отступили и по одному потянулись к кораблю. Было темно, луна вдруг спряталась за тучи, как будто нарочно мешая им увидеть, чем все кончилось: где враги, где свои, кто жив, кто ранен, кто убит? Поначалу каждому казалось, что он единственный уцелел после этой дикой непонятной битвы и теперь остался среди мертвецов. Луна спряталась и прочно захлопнула за собой облачную дверь, и в полной темноте только вдали, возле брошенного ночлега, виднелось красно-багровое свечение углей угасающих костров. Кто-то зажег большую ветку, и она висела в темном воздухе, как живой пламенный цветок на невидимом стебле. Кто-то бранился, кто-то из раненых звал на помощь. Люди оглядывались, окликали друг друга, видели знакомые лица и не узнавали, искали кого-то, кого больше нельзя было найти, забывали уже найденных и снова восклицали: «Торкель, ты жив!»

Постепенно под скалой на месте прежнего ночлега собралось человек двадцать – не больше половины из сорока двух. И среди уцелевших не оказалось Скельвира хёвдинга.

– Он убит! Убит! Я его давно не видел! Почти с самого начала! – переговаривались измученные, тяжело дышавшие слэтты.

Многие из них были ранены и, торопливо шаря в мешках, отыскивали запасные обмотки, полотенца, неловко пытались в полутьме перевязать друг друга. Разжечь заново костер никто не догадался, а может, сказывалась невольная боязнь выдать себя врагу. Их не преследовали, из-за скалы никто не показывался.

– Нужно идти искать хёвдинга! Скорее искать его! – восклицал где-то в темноте Оттар Три Меча, и его голос внушал некую уверенность: все же у слэттов остался хоть кто-то, способный их возглавить. – Может, он ранен! Или в плену! А если он убит, мы должны отыскать его тело! Кто идет со мной? Бьярни! Ты жив, так чего расселся! Пошли быстрее! Асвард, ты слышишь?

– Слышу, слышу! – раздраженно отвечал ему Асвард, пытаясь прижать разрезанный рукав к локтю, чтобы хоть немного задержать кровь.

Голова уже кружилась: не в первый раз будучи раненым, он понимал, что в горячке боя потерял много крови и скоро может упасть без памяти. А этого он никак не мог себе позволить.

Сквозь крики и звон оружия ему послышался крик Гейра, и Асвард должен был непременно найти племянника.

– Гейр! Гейр! Да где же ты! – кричал он в темноту, напрасно прищуривая свои зоркие глаза. – Отзовись! Я не буду тебя бранить, клянусь Одноглазым! Ты ранен? Где ты?

Собравшись с духом, слэтты вернулись на площадку под скалой. Здесь и там виднелись очертания лежащих тел, с темной земли доносились стоны. Асвард помнил, что здесь могут оказаться и фьялли, но больше его волновало другое: где же Гейр? Слэтты освещали горящими ветками лежащих, пытаясь отличить своих от чужих. Вот Аудун, нелепо откинувший голову… мертвый… Вон, придавленный убитым фьяллем, Геллир, а нога его обрублена по колено и черной лужей на песок вытекла почти вся кровь… Бруни Сварливый… Асвард быстро отвернулся, чтобы не видеть лица, жестоко изувеченного нижним краем шлема, буквально вбитым в лобную кость.

– Вон того поднимите! – распоряжался Оттар, деловито метавшийся от одного тела к другому. – Он же должен быть где-то здесь!

– Вон, вон его щит! Смотри…

– Это уже два щита, только от них немного проку! – Бранд Запястье приподнял две половинки разрубленного щита. – Только это не его, а Рандвера… Да где же он сам? Рандвер!

Асвард шел по полю, переворачивая тела, думая только о том, как бы отыскать Гейра. Под ноги ему попался покореженный шлем. Оттолкнув его ногой, Асвард вдруг заметил прямо возле своего башмака знакомую голову. Но это было так дико и странно, что он даже не сразу узнал ее.

– Здесь хёвдинг! – крикнул он и опустился на колени, попытался ощупать тело, понять, жив ли Скельвир.

К нему подбежали с факелами, и желтый отблеск упал на лежащее тело. Длинной стальной лентой на песке блестел клинок меча. Железные колечки хорошей говорлинской кольчуги забрызгала кровь, но никаких ран заметно не было. Скельвир дышал, внушая бодрящую надежду, что он только оглушен.

– Скорее, давайте! – шепотом торопил Оттар. – Он без памяти! Поднимайте! Бьярни, давай!

От беспокойства суетясь и мешая друг другу, слэтты подняли Скельвира хёвдинга. Асвард вытер пальцы о землю, потом о кожаные штаны, но они оставались липкими. Поднявшись с колен, он прошелся по площадке. Надо найти два копья покрепче и хотя бы один большой щит, чтобы отнести вожака к кораблю. Вот тебе и попировали у Рамвальда конунга!

Берег вдруг осветился голубовато-серым призрачным светом. Асвард поднял голову, удивляясь, через какое облако луна светит так странно. И вместо луны его глазам представились четыре огонька над темной водой. Четыре синих звезды плясали во тьме, рассыпая искры, и теперь ко всевозможным оттенкам синего примешались кроваво-красные отблески. Духи четырех колдунов напились крови и праздновали удачную ночь.

Асвард остановился, не сводя с них глаз. Разом, словно проснувшись, он понял всю нелепость, невозможность произошедшего. Что за люди бы там ни оказались – как они могли напасть ночью?[6] Не сказав ни слова, не назвав своего предводителя, не спросив, кто перед ними? Так не бывает! Целая рать злобных берсерков не нападает на первых встречных и не убивает просто так, даже не пытаясь, скажем, ограбить. Кошмарный сон, больше ничего! Да было ли все это?

Опустив голову, Асвард посмотрел на свои руки. Кровь уже подсохла, но это была настоящая кровь, и боль в раненой руке была тоже настоящая.

---

[6] По обычаю, ночное убийство считалось позорным для напавшего.

А у ног его лежало маленькое тело, повернув к небу кудрявый затылок. На спине его чернело широкое кровавое пятно. Асвард молчал, глядя на него. Он не сразу сумел понять, что это. Совсем не это он искал. Освещенное призрачным синим светом, тело лежало перед ним с несомненной неподвижностью смерти. В нем не осталось живой теплой искры, это был мертвый предмет, по нелепой случайности имеющий вид человеческого тела. Тела его племянника Гейра, единственного сына оставшейся дома сестры.

Глава 2

И вот тело Скельвира хёвдинга лежало в опочивальне, одетое в лучшие цветные одежды, с мечом в сложенных руках. Вчера его привезли, на послезавтра назначили погребенье, и на поле, где хоронили предков Скельвира, уже готовили основу кургана с погребальной ладьей.

Ингитора сидела на ларе, сбоку от высокой лежанки. В темноте покоя только маленький фитилек в плошке тюленьего жира освещал голову мертвеца. Лицо его было открыто, но Ингитора с трудом могла поверить, что это отец. Ей все казалось, что произошла какая-то страшная, нелепая ошибка, что отец где-то в другом месте, а тело, лежащее на его постели – что-то совсем другое. Скельвир хёвдинг слишком изменился перед смертью. Хирдманы рассказали, что в бою он получил сильный удар в живот и несколько дней мучился, прежде чем умереть. Вот почему старая Ормхильд увидела его дух только за день до возвращения корабля – он умер не вместе с другими, а уже неподалеку от дома. Только его одного привезли хоронить в Льюнгвэлир: остальных погибших, двадцать одного человека, погребли в чужой земле, на следующей стоянке «Медведя». После битвы уцелевшие, перевязав раненых и собрав убитых, еще до рассвета подняли парус и отправились обратно на восток, через Туманный пролив к Хорденланду и пустились домой, тем же путем, который совсем недавно проделали на юго-запад. «И ты можешь себе вообразить, йомфру, как весело нам было плыть с этим кораблем мертвецов!» – сказал ей Оттар, но Ингитору это ничуть не утешило.

За те тяжкие дни Скельвир хёвдинг сильно исхудал, лицо его теперь было серым, как зола, вокруг глаз темнели страшные черные круги, на белых губах виднелись отпечатки зубов. Она может его видеть, а он ее нет. Она может говорить с ним, но он ей не ответит. Дух его уже в Валхалле, это серое тело в погребальной ладье отплывет под землю кургана, и отец, живое единство того и другого, отныне будет жить только в ее мыслях. Ингитора не плакала, она почти не чувствовала своего горя – ее оглушило и заморозило, она только осознавала свое новое положение, но еще не ощущала его. Казалось, вот похоронят это тело – и все будет как прежде, и отец вернется, живой и веселый, как был. И только когда всплывала мысль, что после похорон не будет уже никакого отца, даже такого, не будет никогда – вот тогда в глазах темнело и мерещилось, что вокруг смыкаются глухие черные стены.

Отец находился рядом с ней всегда, сколько она себя помнила. Ее воспоминания о детстве начинались в возрасте около года, а лет с трех делались уже связными и отчетливыми. И она прекрасно помнила, как уже в три года ездила с отцом, сидя перед его седлом, везде: на тинги, в гости, по делам – всюду, кроме дальних походов. Скельвир любил свою единственную дочь и почти не расставался с ней, а по округе, когда бывал дома, он разъезжал немало: такого знатного, умного, сведущего человека уважали и ценили везде. Никто лучше Скельвира не разбирался в законах, и вот уже лет двенадцать он носил почетное звание годи, то есть жреца и судьи, истолкователя законов и предводителя местного тинга. Без него не могло состояться ни одно жертвоприношение или пир, ни одно судебное разбирательство в округе Льюнгвэлир, и даже те, против кого выносилось решение, не находили повода упрекнуть его. Любезный, дружелюбный, красноречивый, он был желанным гостем в каждом доме, и везде его сажали на самое почетное место. Никогда он не являлся в гости без подарка, подавая пример великодушия и щедрости, и сам принимал гостей чаще всех в округе. В битве, на суде или на пиру, он проявлял себя одинаково находчивым и удачливым.

Не кто другой, как он, Скельвир хёвдинг из Льюнгвэлира, сложил «Песнь о поединке Торбранда и Хельги» или, как ее еще называли «Песнь о поединке на Золотом озере», которая в последние несколько лет широко прославилась по всему Морскому Пути. Скельвир хёвдинг сам был в дружине Хельги ярла, когда тот ходил на Квиттинг за невестой, и видел все своими глазами! Его песнь стоила самого события и принесла ему заслуженную награду: золотой кубок

от Хеймира конунга, два золотых обручья весом в марку каждое и трех отличных коней от Хельги ярла, два хороших меча с богато отделанными рукоятями, два шлема и прекрасную кольчугу говорлинской работы – от фьяллей. Она была на нем в том бою на Остром мысу, но не спасла от удара обломанного копейного древка! И нанес удар сын того самого Торбранда конунга, которого Скельвир так прославил в своей песне! Можно ли вообразить такое коварство, вероломство… такую неблагодарность наконец! А Ингитора еще так ликовала, слушая рассказы обо всем этом, рассматривая подарки! И то, и другое служило приятным доказательством значительности Скельвира хёвдинга из Льюнгвэлира для Морского Пути, и Ингиторе, когда она слышала: «И тогда я сказал конунгу…», казалось, что и сама она живет на горе в самой середине мира, куда сходятся все его нити и устремлены все его взоры. Льюнгвэлир со Скельвиром хёвдингом и был серединой мира, а без него разом превратился в жалкий закоулок!

Гордясь славой своего отца, Ингитора на память знала все его песни и лет с двенадцати сама начала складывать стихи – поначалу это было лишь игрой, и первую хвалебную песнь она сложила в честь своей старой и облезлой деревянной куклы по имени Снотра. Но кукол Ингитора вскоре забросила, целиком отдавшись игре в созвучия, и Скельвир хёвдинг охотно обучал ее искусству скальда. Все «девять искусств» благородного человека ей, как женщине, оставались недоступны, но половиной из них она овладела: ее острому и гибкому уму, ее крепкому здоровому телу легко поддавались и лыжи, и плавание, и руны, и стихи, и тавлеи, в которые она нередко обыгрывала отца. Но страсть подбирать созвучия владела ею сильнее всех прочих увлечений. Уже в четырнадцать лет она на память знала все правила, по которым складывают стихи, и восхищала домочадцев ловкими висами на все случаи жизни.

Она жила очень счастливо и никак не ждала, что это счастье оборвется безо всяких предчувствий и предвестий, так нелепо и внезапно. Слэттенланд ни с кем не воевал, их род тоже ни с кем не о враждовал. Скельвир хёвдинг ехал даже не дань собирать, что чревато известной опасностью со стороны как самих данников, так и разных охотников до чужого добра, которых полно на морях. Он направлялся просто в гости, просто к Рамвальду, конунгу кваргов, который тоже ценил его и хотел видеть у себя на зимних пирах. Приглашали и ее тоже, но она не поехала: всякому была охота породниться со Скельвиром, и Ингитора знала, что к ней непременно будут свататься, но выходить замуж так далеко от дома она не хотела, а потому отвечала, смеясь, что наследник конунга кваргов уже женат, поэтому в их доме ей гостить незачем. Все ждали, что Скельвир хёвдинг вернется с новой славой и подарками за хвалебные висы в честь хозяина, и так оно и случилось бы, если бы ему не встретился…

Скрипнула дверь, в опочивальню вошла старая Ормхильд. В руках она несла пару кожаных башмаков, со швом через подошву – башмаки Хель.

– Пора обувать хозяина в дальнюю дорогу! – бормотала старуха. – Идти ему далеко. Пожалуй, мы с ним и не свидимся больше!

Вслед за старухой вошли фру Торбьёрг и Оттар. Хирдман нес факел, и покой осветился. Оттар вставил факел в железную скобу на стене. Стали видны раскрытые сундуки, из которых были вынуты и разложены по лежанкам одежда и другие вещи Скельвира хёвдинга, которые положат с ним на ладью.

– Так значит, ты уверен, что это был Торвард конунг? – спросила Ингитора у Оттара. – Торвард Рваная Щека? Ты настолько уверен, что можешь поклясться?

– Что толку клясться? – Оттар пожал плечами. В эти дни, оставшись старшим мужчиной в усадьбе с двумя погруженными в тяжкую скорбь женщинами, он тоже выглядел хмурым, но не опускал рук и не утрачивал своей обычной деловитости. – Да, я могу поклясться, если тебе так будет легче, но что это меняет?

– Разве ты когда-нибудь раньше видел Торварда конунга? Ты же не бывал во Фьялленланде.

– Не надо там бывать, йомфру, чтобы знать такие вещи. Торварда конунга легко узнает кто угодно по всему Морскому Пути. Он слишком приметный человек. Я своими глазами видел его лицо, видел шрам у него на щеке. А уж этот шрам всему свету известен!

– Но ведь была ночь!

– Да, но луна светила так ярко, что можно было каждый волос разглядеть. И свет падал прямо на него. Было же полнолуние. Я видел его черные волосы, и накидку из собольего меха, и пояс с серебром, и рубаху… Ну, какого она цвета, я не могу сказать, то ли синяя, то ли зеленая, но тоже из крашеного полотна. Он всегда ярко одевается даже в походах, чтобы его не спутали с другими, хотя его и так не очень-то спутаешь!

– Но чего он от вас хотел? – опять спросила фру Торбьёрг, как будто, задавая этот вопрос в десятый раз, могла все же получить ответ. – Это просто невероятно!

В эти тяжкие дни фру Торбьёрг хранила стойкую невозмутимость: она любила и уважала мужа, но не собиралась развлекать соседей зрелищем своего горя. Пылкостью и открытостью души Ингитора пошла в отца, и они с матерью часто ссорились по всяким мелким поводам, потому что плохо понимали друг друга.

Оттар пожал плечами. Он знал не больше них, а тратить слова даром не считал нужным.

– Но должен же он был чего-то хотеть! – в негодовании воскликнула Ингитора, как будто от этого что-то менялось. – Он хотел вас ограбить, или взять в плен, или вы чем-то его обидели, задели? Может, не сейчас, когда-то раньше? Или где-то говорили о нем что-то нехорошее? Или они хотели захватить наш корабль? Он хоть что-то сказал?

– Он не сказал нам ни слова, йомфру! – с усталостью и легкой досадой отозвался Оттар. – Ни единого слова! Они просто построились и пошли на нас. Если бы Асвард и Гейр не заметили их вовремя, они напали бы на нас на спящих и перебили всех до одного! Они набросились, как берсерки.

– Как же вы уцелели?

– Сам не знаю! – Оттар развел руками, словно был недоволен. – Нас быстро смяли, хёвдинг пропал из вида, и мы отступили.

– И они не преследовали вас? Очень странно!

– Ты права, йомфру, это странно! Но я говорю правду, и любой из дружины подтвердит. Мы вернулись к своей стоянке, и они не искали нас там. Мы вернулись даже на то место и стали подбирать раненых и убитых, мы нашли хёвдинга, и я сам осматривал его, но они к нам больше не подходили, как будто нас прятало какое-то колдовское облако! Я не колдун и не ясновидец, я ничего не понимаю! Но рассказываю то, что было. Как это понять – не спрашивай меня!

Иней покрыл
Волосы Скельвира,
Смерти роса
На теле мужа!
Падают слезы
На мужа горячие,
Жгут его грудь,
Горем наполнены[7]!

– запела старая Ормхильд, прохаживаясь вокруг лежанки в направлении против солнца. Ах, не таких песен в свою честь заслужил Скельвир хёвдинг! Ингитора вскочила и выбежала прочь из спального покоя. Она не могла больше оставаться рядом с *этим*! Грудь сжимало

[7] Несколько измененные строки из «Старшей Эдды».

чувство острой боли, неудержимо текли слезы, ей хотелось быть подальше от всех, там, где ее никто не увидит.

* * *

Она бродила над обрывом морского берега, кутаясь в накидку, и ей даже приятен был резкий, холодный осенний ветер, пронзающий насквозь. Тело чувствовало то же, что и душа, и от этого они как бы лучше понимали друг друга. Иногда Ингитора присаживалась на тот или другой камень, обросший сверху ровным слоем мха, как покрывалом, и сидела, глядя на воду фьорда и дальний берег, пытаясь привыкнуть к миру, в котором больше нет отца. Но ничего не получалось: чувство потери висело над головой, сам воздух с болью входил в грудь.

В битве пал отважный воин,
вечна память в сердце верном…

Могла ли она вообразить семь лет назад, когда складывала первые хвалебные песни в честь своей куклы Снотры, что это искусство понадобится ей для поминальной песни по собственному отцу! Отомстить за его подлое, беспричинное, ночное убийство она не могла, и поминальная виса была последним и единственным, что она способна для него сделать. Глаза опухли от слез, платок прятался в рукаве жалким мокрым комочком, но мозг кипел и трудное дело стихосложения шло быстро и четко. «Очень длинно! – бывало, говорил ей Скельвир хёвдинг. – Можно заснуть. Надо короче, короче, чтобы песня была такой же быстрой и сильной, как подвиги Сигурда!» Ингитора спорила, защищала каждую строфу и доказывала, что без нее никак нельзя обойтись, но потом ухитрялась все-таки то же самое содержание уложить в меньшее количество строчек, и так действительно получалось лучше! «Настоящая виса должна быть как узорный пояс, сплетенный из плотных кожаных ремней! – учил ее Скельвир хёвдинг. – Чтобы все в ней было плотно, крепко, прочно, тесно и красиво! Чтобы ни одно слово в ней не болталось, чтобы ничего нельзя было ни прибавить, ни отнять!»

«…Скельвир хёвдинг знатен родом… Славен Скельвир в землях слэттов…» Она подбирала, сравнивала, отбрасывала некрасивое или неподходящее, и это напоминало труд мойщика золота: хорошие строки откладывались на дне памяти, а негодные, легковесные, уносились течением мыслей.

Она добрела до самой горловины фьорда, и перед ней открылось море. Вдоль морского обрыва выстроились поминальные камни ее предков: прекрасно видимые с проплывающих кораблей, они стояли, как доблестная и бессмертная стража, днем и ночью охраняющая Льюнгвэлир. Вытесанные в основном из розоватого гранита, в виде щита или лодки, поднятой стоймя, они были хорошо знакомы Ингиторе, и она наизусть знала их стихотворные надписи, вырезанные на причудливо переплетенных лентах. Пока она была маленькой, отец за руку водил ее к поминальным камням, показывал резных зверей и драконов и рассказывал, о ком здесь написано. «Этот камень поставили по сыну своему Салигасту Хагирад и жена его Алагуд. Он погиб на Проливных островах, тому уже триста лет. А этот камень поставил Сторлейв, сын Фраварада, по Ингимунду, своему брату. А этот, самый яркий и красивый, воздвигли Асмунд и Фино по своему отцу Ингимару. Он собирал дань со свартобардов и там погиб». И каждый раз, даже когда она все это уже знала, Ингитору пробирала жуткая и сладкая дрожь при виде старых обветренных камней, древних, почти нечитаемых рунных цепочек, скрывавших старинные имена, каких теперь уже нет – имена ее предков. И казалось, что сами Хагирад и жена его Алагуд, Фраварад, Ингимунд и прочие стоят где-то рядом и смотрят на нее из прошедших веков… Ингитора вспоминала те давние прогулки и тут же старалась прогнать воспоминание,

чтобы не расплакаться опять. Казалось, и сейчас где-то рядом та маленькая девочка, не умеющая разбирать руны, и ее отец, веселый, добрый, совсем еще молодой…

«…Враг напал, укрывшись тьмою… Грозный враг, презрев обычай…»

В глаза Ингиторе бросилась знакомая фигура, высокая и худощавая, бредущая вдоль обрыва со стороны усадьбы. Не дойдя до Ингиторы несколько шагов, Асвард остановился под кривой тонкой сосной, обтрепанной морскими ветрами.

– Что ты здесь бродишь, как дух? – спросила Ингитора.

– А ты что сидишь здесь одна, йомфру? – спросил Асвард. Его волосы трепал ветер, под глазами залегли нездоровые тени.

– Я сочиняю.

– И как?

– Ничего.

– Ты не видала Асгерд? Что она?

– Она в доме. Чешет шерсть. Гудрун присматривает за ней. Не думай, что ты один о ней беспокоишься.

– Не забывай, йомфру, что Гейр был не только ее сыном, но и моим племянником, – беззлобно сказал Асвард.

Ингитора смутилась: она и правда позабыла об этом. Как-то так сложилось: мужчины сражаются и умирают, женщины ждут и плачут.

Асвард сел на землю и стал смотреть в море. Не оборачиваясь, он продолжал:

– А ведь она не знает всего того, что знаю я.

– Что ты знаешь? – быстро спросила Ингитора. Бедам от этого похода не предвиделось конца. – Ты говорил, что он умер от удара копьем в спину. От одного удара и не мучился. Или это не так?

– В таком деле я не постеснялся бы солгать его матери, но это правда. Он умер от одного удара в спину. Здесь дело в другом.

Ингитора молча ждала продолжения. Асварду, видно, очень хотелось поделиться.

– Я не смог один донести его до корабля, – сказал он чуть погодя. – Бьярни помогал мне. И когда мы выносили его на берег на следующей стоянке, чтобы похоронить, было то же самое.

Ингитора не ответила, но ей стало неуютно. Всякий знает, что если мертвец кажется очень тяжелым, значит, он не будет спокойно лежать в могиле.

– Если бы я видел того славного воина, который поднял на копье подростка, почти мальчика, я бы уж не позволил ему этого сделать. Я же велел ему сидеть возле корабля! – В бессильной досаде Асвард ударил кулаком по земле. – Но в нем кровь нашего отца. Усидеть на месте во время битвы он не мог. И теперь Асгерд не утешится, даже если я перебью всю племя фьяллей с Торвардом конунгом во главе. Гейра этим не вернешь. А ее горя не облегчит то, что матери фьяллей заплачут вслед за ней. О, хоть бы Фрейр и Фрейя послали ей другого ребенка! Она еще достаточно молода.

Ингитора отвернулась: слова Асварда задели еще одно больное место. Кроме горя самой потери, ей еще придется мириться с бесчестьем угасающего рода. Подлое убийство такого знатного человека, как Скельвир хёвдинг, требовало отмщения. А для мести нужен мужчина. Которого нет.

Асвард пару раз оглянулся на замолчавшую девушку. Рыжеватые брови ее были немного сдвинуты, пристальный взгляд светло-карих, как янтарь, глаз устремлен в морскую даль. От морского ветра на щеках розовел румянец, темно-рыжие, мягкого и глубокого оттенка, очень густые волосы лежали блестящей копной; чтобы не путались, Ингитора заплетала их в несколько кос и косичек, соединенных причудливым образом. У нее были крупные, довольно правильные черты лица, широкий яркий рот в обычное время легко расцветал улыбкой, и от всего ее облика веяло живым теплом. Даже горе не притупило пылкости ее нрава, кото-

рая словно бы освещала лицо, так что даже сейчас она казалась очень красивой, несмотря на заплаканные глаза и порозовевший кончик носа. По-прежнему в ее чертах отражалось нечто твердое, светлое, устремленное вперед. Благодаря обильной россыпи веснушек на ее по всему высоколобому, продолговатому лицу и даже на руках казалось, что луч света из Альвхейма лежит на этой деве, одевая ее золотым сиянием. «Медовая дева» звал ее Скельвир…

Подперев щеки кулаками, она смотрела на другой берег фьорда и совсем забыла об Асварде. Поднявшись, он побрел к усадьбе, а она даже не заметила. «*Шел на бой без страха Скельвир…*»

* * *

Возвращаясь, в воротах Ингитора разминулась с Оттаром: фру Торбьёрг послала его к соседу, Гриму Горбушке на хутор Брем, который располагался на краю большого леса, называемого Сосновые Бугры. Грим бонд еще с прошлого года остался должен Скельвиру марку серебра, и теперь, перед большими расходами поминальных пиров, эта марка пришлась бы очень кстати[8].

Вернулся Оттар уже в темноте, без денег и очень злой.

– Этот подлец рассказывает, что год, дескать, выдался неурожайный и он не может выделить марку серебра! – рассказывал он фру Торбьёрг. – Дескать, если вам очень надо, он может наскрести два-три эйрира, но никак не больше.

– Но он же продал шерсть! – возмутилась фру Торбьёрг.

– Я ему говорил, что он получил за шерсть, а он говорил, что цены упали и ему самому до весны не дожить на эти деньги.

– Но срок прошел еще летом!

– Это я тоже ему сказал. А он сказал, что ничего не может поделать. Что ему не так повезло, как он надеялся.

– Но когда-нибудь он отдавать собирается?

– Сказал, что, может быть, будущим летом.

Фру Торбьёрг помолчала, усилием воли стараясь сохранить невозмутимость. Но мысли ее были совсем не спокойны.

– Вот, так и следовало ожидать! – с суровой горечью сказала она чуть погодя. – Скельвиру хёвдингу он ни за что не посмел бы так ответить! Скельвир хёвдинг пожалел его и отложил уплату до осени, а он теперь думает, что раз хозяина нет, то платить долгов вовсе не обязательно, а на тинге… Что мы сделаем с ним на тинге, две беззащитные женщины? Что я, вдова, сделаю с этой скотиной? Вызову на поединок? Теперь каждый может сделать с нами, что хочет!

– А хотя бы и на поединок! – гневно ответила Ингитора. – Существует же «сиротское право», и пусть кто-нибудь посмеет мне отказать! Я им не какая-нибудь Фрида с хутора!

– Не говори глупостей! – Фру Торбьёрг отмахнулась. – Марка серебра – не такие уж деньги, чтобы устраивать тут целое зрелище для всей округи! Все будут только смеяться, если увидят тебя или меня с мечом в руках!

– Можно выставить бойца, – негромко подсказал Оттар.

– Кого?

– Да хотя бы меня, хозяйка. Я не стоил бы дружбы Скельвира хёвдинга, если бы не сумел одолеть такого противника, как Грим из Брема, и дал бы в обиду его жену и дочь.

– Оставь! – Фру Торбьёрг поморщилась. – Этого нельзя сделать раньше тинга, тинг же только весной. А деньги нужны сейчас.

---

[8] Покупательная способность серебра была высока, и на марку, то есть на 215 г, можно было купить нескольких коров, или одну рабыню, или прожить одному человеку целый год.

Ингитора возмущалась: она не привыкла к такому обращению, и у нее не укладывалось в голове, что какой-то там Грим из Брема, где весь двор меньше, чем их хлев, может нарушить обязательство перед самим Скельвиром хёвдингом! Даже мертвый, отец в ее глазах оставался сильным и уважаемым человеком, и она не понимала, как смеет Грим или кто-то другой идти против его воли, когда он сам даже еще не погребен! Но хоть она и была умна, в этом деле Грим Горбушка соображал получше нее.

На другой день в Льюнгвэлир приехали гости из усадьбы Мьёльке: Фасти хёльд со своей матерью фру Торунн. Встречала их одна Ингитора: фру Торбьёрг уехала в Эльвефалль, чтобы купить бычка и свинью для завтрашнего угощения. Гостей на поминальный пир ожидалось много, продлится он не меньше трех дней, а своей скотины, которую можно было на это выделить, не хватало. Оттар, Асвард и Бьярни поехали с хозяйкой, и Ингитора осталась в доме с Траином и челядью, присматривать за приготовлениями.

– Пора и тебе руки к делу приложить! – говорила ей мать, собираясь в дорогу. – Теперь нам уже не до стихов, надо за ум браться! Отец был твой, и нечего тебе сидеть, как Гудрун над Сигурдом,[9] когда я с ног сбиваюсь! Смотри, чтобы хлеб не подгорел, чтобы горох перебрали, и чтобы сливки снимали как следует, а то Асгерд сама себя не помнит и на нее надежды никакой! Чтобы доски к скамьям не поломали, у нас больше нет серебра на новые, и чтобы все ковры как следует вытряхнули прежде, чем вешать. И чтобы рыбу… Ну, это знает Вигдис, это ты не умеешь, только напомни ей про селедку, и чтобы она горчицы не переложила!

У Ингиторы кружилась голова от всех этих наставлений, и ее безмерно раздражала сама необходимость во все это вникать. Никакие наказания на свете сейчас не казались ей хуже этих обязанностей помнить про селедку, ковры, хлеб, сливки! Тролли бы все это взяли! Она всегда была равнодушна к хозяйству, и ей даже как-то нелепо казалось забивать голову всей этой мелочью и бегать из курятника в погреб, а из погреба в кладовку, точно какая-нибудь Фрида с хутора, с вытаращенными от усердия глазами! В душе Ингитора считала, что свой вклад в поминальный пир внесла хвалебной песней об отце. Но даже если бы весь мир с этим согласился, ни ковры, ни селедка все равно не смогли бы сами о себе позаботиться. А тут еще Хьяльти бонд из Коровьей Горки явился на кухню с двумя какими-то троллями, принесли три мешка битой дичи, всяких там зайцев, глухарей, куропаток и прочего и требуют, чтобы у них это все купили!

– Да ты не в прошлом ли году настрелял всю эту дрянь, Хьяльти? – воевала с ними Вигдис, главная распорядительница на кухне. – Да ты им в глаза посмотри – они же вот-вот провоняют!

– Ты сама посмотри – тут же одни самочки! – втолковывал ей плутоватый охотник. – Самые вкусные!

– Про вкусных самочек ты, вон, Хрольву расскажи, он тебя поймет! А мне ты зубы не заговаривай! Ты их, поди, уже полмесяца по усадьбам таскаешь, шеи вон все пересохли, глаза провалились, перо на брюхе все повылезало! Это уже только собакам выкинуть!

Хьяльти с приятелями клялись, что дичь еще шевелится, а Ингитора чуть не зарыдала от тоски: она не знала, как отличить свежую дичь от несвежей, и не имела ни малейшего желания этим заниматься! Вся эта возня, вместо того чтобы отвлечь, делала ее боль еще сильнее, и ей хотелось кричать от горя, которое, кроме самой утраты, еще и обрекает ее на все это!

Когда появились Фасти хёльд с мамашей, Ингитора даже обрадовалась, что у нее есть повод отвлечься от кухни и посидеть немножко в гриднице, где под ее присмотром и со всякими предосторожностями уже укрепили праздничные резные доски на скамьи. Сам Фасти был рослым мужчиной лет за тридцать, овдовевшим три года назад; у него имелась небольшая

[9] Сцена отчаяния Гудрун, сидевшей над телом убитого мужа Сигурда, описана в «Старшей Эдде»: Гудрун не могла даже плакать и сидела, сама как мертвая, и другие женщины напрасно пытались утешить ее примерами собственных несчастий.

рыжевато-русая жидкая бородка и такие же усы, из которых пухлые розовые губы выпячивались далеко вперед, как будто хотели выпутаться из растительности на простор. Фру Торунн была, наоборот, маленькой, но полной женщиной лет шестидесяти, с белым круглым лицом и карими глазами, разговорчивой, увлеченной всяческими новшествами, всегда знающей, что и как надо делать. Ингитора не сомневалась, что сегодняшнюю поездку в Льюнгвэлир, куда их звали на поминальный пир, но завтра, придумала именно она.

Усевшись, фру Торунн расхвалила убранство гридницы и тут же принялась бойко давать советы: одни из них Ингитора не понимала, другие ей казались нелепыми. У фру Торунн имелись свои способы делать все на свете, и, как ни мало понимала в хозяйстве Ингитора, даже она видела, что многие замыслы соседки никуда не годятся.

– Говорят, Грим из Брема не хочет отдавать вам долг? – заговорил потом Фасти хёльд. – У них тогда на кухне сидел один наш пастух, так он слышал.

– Да, какие же бессовестные люди бывают! – оживленно заговорила фру Торунн. – Какие же бессовестные, просто подумать страшно! Только и думают, как бы на чужом горе нажиться! Нет, чтоб проявить участие, помочь чем-нибудь вдове и девушке! Думают: ничего, теперь на них управы нет, можно делать, что хочешь! Какие же бессовестные! Этот Грим, он вообще мастер долги зажимать, ему уже никто и не давал. Скельвир хёвдинг, конечно, другое дело, ему-то попробовал бы кто не отдать!

– Мы с ним еще на тинге поговорим! – сказала Ингитора. Ей было не легче от этого «сочувствия», а совсем наоборот: каждое слово фру Торунн заново напоминало ей об их нынешнем унижении. – Если он не образумится, то мы устроим поединок!

– Ну, должно быть, расходы у вас и сейчас большие, да? Такую кучу народа накормить, это же недешево стоит!

– Конечно.

– Можно бы помочь, если бы… – неуверенно начал Фасти и посмотрел на свою мать. – Мы могли бы, из уважения к Скельвиру хёвдингу… Мы переймем его долг на себя: я дам вам марку, а Грим будет должен мне. Или еще лучше: я поеду к нему и выбью из него эти деньги! – Фасти оживился, как будто эта мысль пришла ему в голову именно сейчас.

Он посмотрел на мать, и она закивала: дескать, начал, так не останавливайся.

– Лучше бы подождать, пока фру Торбьёрг будет… – заикнулся он, но фру Торунн ответила:

– Йомфру Ингиторы это скорее касается, чем фру Торбьёрг. Ведь фру Торбьёрг теперь причитается только ее приданое и свадебные дары, своего у нее в этом доме больше нет. Тут теперь йомфру Ингитора хозяйка, она все и решает. Конечно, потом с матерью ей надо будет посоветоваться.

– Я думаю, моя мать на оба решения согласится, – заметила Ингитора. Ей казалось вполне естественным, что Фасти хёльд берет на себя труд помочь им, и ее только коробило, что они стали нуждаться в помощи посторонних.

Но оказалось, что они говорили о другом.

– Вот, йомфру, плохо вам теперь без хёвдинга! – начал снова Фасти. – Что вы остались, две женщины? Любая свинья теперь над вами издевается. Вот если бы ты замуж вышла, тогда, конечно, муж приглядел бы. Вот я, например. Приеду я к Гриму, а он мне скажет: а твое-то какое тут дело, Фасти хёльд? Знай всякий себя. А я бы ему сказал: дескать, женюсь на йомфру Ингиторе и долг в ее приданое пойдет. Вот тогда бы было как у людей.

– Что ты такое придумал? – Ингитора даже усмехнулась, как ни мало ей хотелось сейчас смеяться. – Замуж? За тебя? Чтобы ты взыскал с этого бессовестного Грима мою марку серебра? Что-то это очень странно! Ты думаешь, что я продам себя за жалкую марку серебра, чтобы ты потом с мои приданым получил всю его усадьбу и добро? Люди сказали бы, что я

продешевила! И Грим первый бы надо мной посмеялся! Ему я пожалела марку, а все наследство и себя в придачу отдала человеку, который…

«Который ничем не лучше его!» – хотела она сказать, но воздержалась, потому что Грима уже обозвала бессовестным, а Фасти как-никак был у нее в гостях.

Фасти хёльд понял, что она имела в виду, но ничуть не обиделся, а только слегка пожал плечами:

– Все равно по-старому ты, йомфру, жить уже не будешь. Старого уж не вернешь. Я-то понимаю: раньше ты с отцом и по пирам разъезжала, и по тингам, и стихи сочиняла, и на кухне тебя никогда не видели, и всякие ярлы заморские у вас тут зимовали и на снегу боролись, кому из них ты пива вечером будешь подносить!

– Да уж, я помню, как хёвдинг говорил! – смеясь, вставила фру Торунн, и ее живые карие глаза заблестели безо всякого намека на скорбь. – Что, дескать, когда йомфру Ингиторе придет пора замуж выходить, он созовет женихов со всего Слэттенланда и устроит между ними состязание. И что, дескать, кто всех одолеет, тот и получит твою руку и усадьбу в приданое! Половину, пока он жив, и вторую, когда умрет! Да теперь чего уж вспоминать!

Ингитора едва не задохнулась от острой боли, которую вызвали в ней эти слова, и только гнев на бессовестную дуру помог ей сдержать слезы. Да уж, чего вспоминать, как счастливо она жила при отце, когда его нет и ей приходится иметь дело с такими людьми!

– Да уж, что миновало, того не вернешь! – согласился Фасти хёльд. – Был бы у тебя брат, ну, тогда другое дело. А так, мы законы-то тоже знаем. Раз наследника у Скельвира хёвдинга нет, значит, две трети конунгу пойдет, а одна треть – тебе в приданое. Вот и распоряжайся!

– Мой род достаточно знатен, чтобы я сама имела право наследовать все, чем владел мой отец! – с надменностью, которую даже усилила их бесчувственная наглость, ответила Ингитора.

– Да, но ведь сперва конунг должен это признать! Он решит, хорош твой род или не хорош, чтобы столькими-то землями распоряжаться!

– А конунги наши всегда были скуповаты! – весело подхватила фру Торунн. – И надо род вести от звезд и месяца, чтобы они признали, что девушка может сама наследовать! Две трети от такой усадьбы и конунгу пригодятся!

– Ну, и с одной третью от такого-то богатства можно много сделать! – утешил Ингитору Фасти хёльд. – А я хозяин хороший, другого про меня никто не скажет, обойди хоть всю округу до самого Эльвуса. Мне если приданое с женой взять марок десять, то я бы тоже и скотины завел, и корабль, и расторговался бы, и стал бы со временем, годов через десять, ничуть не хуже Скельвира хёвдинга. Так что, по-нашему, я тебе очень даже стоящее дело предлагаю.

– Конечно, это очень даже хорошее предложение! – с веселым смехом подхватила фру Торунн. – Замуж выходить надо, так чего же лучше: остаться в своей округе, где все тебя знают, уважают, среди хороших людей, с хорошим мужем!

Ингитора молчала, сжимая губы и страстно желая, чтобы говорливая фру Торунн мгновенно оказалась где-нибудь не ближе Эльвуса, и ее долговязый сынок тоже. Как объяснить барану, что он никогда не станет оленем, даже если и получит его рога в приданое за женой?

– Вот тогда можно бы и помочь! – закончил Фасти хёльд. – Ты, йомфру, поговори с матерью, как она вернется.

– Мой отец совершал более значительные подвиги, не спрашивая заранее, что он за это получит! – ответила Ингитора, и хотя она старалась говорить спокойно, в голосе ее слышалось презрение. – Он сражался, собирал дань для конунгов, сопровождал их в опасных походах, не торгуясь заранее, оправдает ли награда такие труды! А ты готовишься проехаться до края Сосновых Бугров и поговорить разочек с Гримом, и требуешь за это целых десять марок серебра, да еще и жену в придачу! Многие скажут, что ты дорого запрашиваешь!

– Так все равно же ты отдашь, не мне, так конунгову ярлу, что приедет за наследством! – втолковывал Фасти, ничуть не обижаясь, поскольку понимал, что дочь Скельвира была воспи-

тана в баловстве и надменности, а от этого не так быстро отвыкают. – Все равно, так Хеймир конунг даст тебе жениха. Кого-нибудь, кого ты и не видела никогда, и никто тебе не обещает, что он будет лучше меня.

– Но кто же его знает, кого тебе даст в мужья конунг? – опять затараторила фру Торунн. – Может, какого-нибудь берсерка! А здесь ты точно знаешь, что Фасти – хороший хозяин, рассудительный, справедливый человек, и все в округе его уважают! И он сам тоже других уважает, не задирает нос почем зря!

Против всего этого возразить было нельзя, но почему-то при виде Фасти хёльда Ингитору томила мучительная тоска, хуже зубной боли. Ну, благоразумный, справедливый, хозяйственный! И это – та же самая кухня, ковры и тухлые зайцы, каждый день, навсегда! Это все равно что старость, которая нагрянет прямо сейчас, через три месяца после того как ей исполнилось девятнадцать лет!

Разве этого она хотела? И разве этого хотел для нее Скельвир хёвдинг, отказавший уже десятку таких женихов, как Фасти? «Наверное, я никогда не выйду замуж, потому что нет на свете такого человека, ради которого я соглашусь расстаться с тобой!» – однажды сказала она отцу. «Просто этот блестящий мужчина еще не показывался у нас тут! – мудро заметил Скельвир и засмеялся. – Поверь мне: когда он тут появится, ты убежишь к нему и даже не оглянешься на своего старого отца!»

– Ну, пусть берсерка! – воскликнула Ингитора, выведенная из терпения нелепыми притязаниями гостей. – Конунг даст мне жениха, который сможет воевать не только с Гримом из Брема! Конунг даст мне жениха, который сможет не только взять наследство моего отца, но даже отомстить за него! Вот за такого человека я, может быть, и вышла бы!

– Ну, йомфру, это ты что-то несуразное придумала! – Фасти хёльд даже с некоторым удивлением покрутил головой. – Чтобы за чужого родича мстить – о таком что-то я не слышал, хотя и я тоже не из последних глупцов! Так не бывает!

Замкнутое лицо Ингиторы говорило, что ее это не волнует.

– Так ты потолкуй с матерью, – говорил на прощанье Фасти, ничуть не огорченный тем, что его сватовство встретили так неприветливо. – Может, решите, подумавши, что это все-таки дело подходящее.

– Благодарю, что хотели нам помочь! – уже не скрывая язвительности, провожала их Ингитора и даже поклонилась гораздо ниже, чем гости из Мьёльке заслуживали. – Очень рады будем видеть вас завтра!

* * *

*Д**е**ву Битв*[10] *отправил **Од**ин*
*В **до**льний край на бой не**до**лгий,*
*Взять вел**ел** бойца в Пал**а**ты;*
*Бл**а**г приказ тот Бога Вл**а**сти.*

*Ск**е**львир принял гибель в сл**а**ве —*
*Сл**о**жит песню скальд нел**о**жну —*
*В б**у**р**е** Мист г**е**р**о**й сражался,*
*В**р**а**ж**ий строй косил на б**р**а**н**и.*

*Родич **Сул**ь разл**и**л сияньем*

[10] Т.е. валькирию, которые переносили души убитых в Палаты Павших, в Валхаллу.

*Лу**ну**ный **лу**ч над темным брегом,*
*Вра**г** напал, ук**ры**тый тьмою,*
*Про**т**ив чести, волчьей т**ро**пкой.*

В гриднице было душно, дымили дрова в очагах, пахло жареным мясом, огненные отблески от факелов плясали по стенам, так что казалось, боги и герои, вышитые на коврах, силятся оторваться от ткани и выйти на свободу. Поминальный пир удался на славу. После того, как погребальную ладью Скельвира засыпали землей, немало было съедено мяса, немало выпито пива и меда, немало сказано хвалебных слов.

Ингитора сама произнесла песнь, которую сложила в память отца, и видела, что ее творение людям нравится: все слушали очень внимательно, уважительно, с одобрением кивая. Голос ее то дрожал, то звенел от гнева, но она изо всех сил старалась держаться спокойно. Те же чувства, то гнева, то горькой боли, от которой слабели руки и ноги, она испытывала, когда сочиняла: ей хотелось как можно выше поднять и прославить подвиги отца, как последнее, что она могла для него сделать; она заново осознавала, каким выдающимся человеком был ее отец, благородный, отважный и мудрый, и горечь потери с каждым ударом сердца обновлялась и снова колола ее в грудь.

*Бле**ден смерти **ли**к ужасный —*
*Ли**вень стрел про**ли**л на слэттов*
*Ве**дьмы сын, злодей кро**ва**вый,*
*С **во**йском фьяллей **во**ждь их Торвард.*

*Пи**ром копий[11] п**ра**вил Скельвир,*
*Гр**озной** дланью ст**ро**й сметал он,*
*Ви**хрем дождь кро**ва**вый лился,*
*Во**лка **во**лн блестели луны[12].*

*В битве пал от**ва**жный **во**ин —*
*Ве**чна память в сердце **ве**рном.*
*Скельвир п**ри**нят к Богу Ра**тей,*
*Ро**дич ведьмы будет п**ро**клят.*

И сама она казалась не хуже своей песни: высокая, стройная, в красном платье, вышитым золотой нитью, с двумя позолоченными застежками на плечах, соединенными ожерельем из таких же крупных позолоченных бусин, она выглядела прекрасной, как невеста на свадьбе. Несколько причудливо заплетенных тонких кос в блестящей массе распущенных волос были украшены золотыми бусинами. Но лицо ее горело пылким и строгим воодушевлением, так что на ум приходила не свадьба, а пир в Валхалле. Ингитора испытывала чувство лихорадочной приподнятости, которая была нехороша тем, что в любой миг могла перейти в лихорадочное рыдание. В прошедшие дни ей казалось, что она немного притерпелась к своей потере, но сегодня выяснилось, что ее смирение – видимость. Весь этот пышный пир давался в честь Скельвира, но самого его здесь не было, и все знали, что так и должно быть.

И что будет дальше? Сегодня – последний день ее славы и торжества. Нет больше Скельвира хёвдинга, который сам сидел за столами конунгов и ярлов или приглашал их к себе, в этот самый дом. Когда Ингиторе исполнилось всего четыре года, у них гостил сам Хеймир конунг

[11] Пир копий – кеннинг битвы.

[12] Т.е. щиты: волк волн – корабль, луны корабля – щиты, которые укреплялись на бортах.

и разговаривал с ней – сама она этого не помнила, но ей рассказывали, и до сих пор в сундуке хранился маленький кубок из бледно-зеленого стекла, который он ей подарил. Теперь же новости о конунгах им будут поставлять заезжие торговцы, с опозданием на год и искаженные до нелепости. Знатных и прославленных людей она больше не увидит, их тут просто негде взять.

А кто тут есть? Есть, вот, Стейнар из Лингунберги, есть Аринбьёрн сын Одда из Бломмета, есть Колль сын Барда из Недвейга – прекрасные, достойные молодые люди, которые не один год усердно ездили выражать свою дружбу хозяину Льюнгвэлира, всеми мыслимыми способами стараясь понравиться его дочери. Теперь они сидели, как нарочно, плечом к плечу – старательно умытые и причесанные, в новых цветных рубахах, кто с серебряной гривной на шее, кто с обручьями или перстнями, а Аринбьёрн в первый раз закрутил наверх кончики своих молодых усов и заплел их в тонкие косички. Каждый волновался по-своему: Стейнар много ел, Колль сидел молчаливый и бледный, не сводя с Ингиторы заклинающего взгляда, Аринбьёрн много и оживленно говорил. Но каждый мысленно уже видел себя женихом на ее свадьбе – будучи не глупее Фасти хёльда с его мамашей, они тоже понимали, что одна печальная перемена в жизни йомфру из Льюнгвэлира должна повлечь и другие, что кем-то она должна заменить погибшего отца.

Но Ингиторе казалось таким же нелепым выйти за кого-то из них, как снова взяться за деревянную куклу Снотру. Она не могла смириться с мыслью, что теперь она, привыкшая быть выше и сильнее всех, должна стать такой же, как все. Те мелкие заботы о хлебе и селедке, которые так отравляли ей первые дни после страшной новости, теперь станут основным содержанием ее жизни. Ей придется научиться самой отличать свежую дичь от несвежей, и узнать, как красить и как сушить шерсть, и считать яйца в курятнике, может быть, даже шарить ради них в крапиве по углам двора… Но не крапива страшила Ингитору, а то, что курицы и коровы заменят в ее голове Сигурда Убийцу Дракона и валькирию Кьяру, которая в виде лебедя носилась над полем битвы, где сражался ее возлюбленный. И придется ей бросить детские мечты о возлюбленном не хуже, чем у Кьяры. Со смертью отца она утратила не только почетное положение в округе, но и право на мечты…

И кто всему виной? Ингитора глядела на лица, знакомые чуть ли не с детства, но перед глазами ее носился совсем иной образ – того, кого она не видела никогда! Торвард сын Торбранда, конунг фьяллей, теперь стал для Ингиторы важнее всех на свете. Он, убийца, как бы занял в ее мире то место, которое раньше принадлежало отцу, только о нем она и думала все эти дни. Дикое ночное нападение было подвигом как раз в его духе. Кто еще родился от квиттингской ведьмы Хёрдис, бывшей жены великана, предавшей и первого мужа, и родное племя ради того, чтобы выйти за Торбранда и стать кюной фьяллей? Кто еще умудрялся начать самостоятельное правление войной со священным островом Туаль, на котором каждый конунг Морского Пути получает благословение богов? У кого еще хватило наглости набиваться в мужья фрие Эрхине, верховной жрице и правительнице острова, живой богине на земле? И кто посмел ее бросить, когда она ему надоела? Про кого говорят, что он никогда не сидит дома, а все ищет себе славы за морями? Кто обложил данью половину Зеленых островов, после того как завоевал их с помощью второй половины, причем, как рассказывают, честь дочерей тамошних ригов сильно пострадала? Подло, против закона и обычая, бесчестно, не назвав себя, не дав возможности толком подготовиться, напасть на человека, который ни в чем перед ним не провинился и имел вчетверо меньше людей – вот ему и еще один небывалый подвиг!

Ингитора окликнула кормчего Бьярни. Его круглое, обветренное лицо сегодня раскраснелось сильнее обычного, а седина от этого казалась еще белее. Давно не чесанные борода и волосы свалялись, глаза покраснели, морщины на лбу углубились, и сегодня Бьярни выглядел вполне на свои пятьдесят восемь лет, хотя был еще очень крепок для этого возраста. При всем их несходстве на его мятом, пьяном лице отражалось то же, что мучило Ингитору: смерть Скельвира хёвдинга разрушила весь мир его домочадцев.

– Бьярни, скажи, ты встречал конунга фьяллей? – спросила Ингитора. – Торварда сына Торбранда?

– Встречал, – вяло отозвался Бьярни. Он пил с самого утра, еще пока не начался поминальный пир, и теперь был уже порядком пьян. – Скажу тебе, йомфру, мало найдется воинов по всему Морскому Пути, кто его не встречал. Да и другие – и улады, и эринны, и бьярры, и придайниты, и танны, и даже говорлины хорошо знают его. Он ни одно лето не сидит дома, а все ходит по морям и ищет подвигов.

– Какой он? Расскажи, что ты еще о нем знаешь?

– Я знаю… Торварда конунга издалека заметно. Ростом и силой он как сам Тор, пожалуй. Ни троллей, ни великанов он не боится. Еще говорят, что его мать – колдунья.

– А еще говорят, что ему покровительствует валькирия, – вступил в беседу Торкель Копыто. – В битвах она закрывает его щитом. А еще говорят, что мать-ведьма еще младенцем окунала его в кровь пещерного тролля, и теперь его шкура крепче всякой кольчуги, ее железо не берет и убить его можно только дубиной с кремневыми шишками. Ну, это я в Винденэсе от тамошних слышал, может, они и врут.

– Он у них прошлой зимой, как раз на йоле, такого шороху навел – они его с тех пор боятся, вот и выдумывают всякую чепуху.

– А откуда тогда у него шрам на щеке?

– Не знаю откуда, но говорят… – Торкель ухмыльнулся. – Говорят, что однажды в бою он проглотил стрелу!

– Чтоб она встала ему поперек горла! – пожелала Ингитора.

Воображению ее рисовался облик воина огромного роста и силы; на две головы возвышаясь над толпой, он шел через поле битвы, обеими руками держа меч и круша всех направо и налево, как траву. Вот так же и Хельги в бою однажды так разошелся, что высоко поднятым мечом поранил лебедя-Кьяру, и она упала на землю, обливаясь кровью! И ее, Ингиторы, жизнь Торвард конунг сокрушил так же нелепо и бессмысленно, не задумавшись и даже не заметив!

– Наш Скельвир хёвдинг всегда выбирал все самое лучшее! – крикнул со своего места за столом Грим из Брема. – И врага он себе выбрал – на зависть!

Требуя долг, Оттар, естественно, упомянул о поминальном пире и не мог не пригласить человека, с которым Скельвир хёвдинг был дружен и которому даже давал в долг. И хотя выплатить долг Грим бонд не мог, от приглашения на пир он и не подумал отказаться и сейчас сидел среди гостей, в новой рубахе и зеленых штанах, которые доказывали, что он все-таки не так невыгодно продал шерсть, как пытался уверить.

Возможно, он и правда хотел своими словами воздать честь погибшему, но Ингитора поняла его иначе: ей показалось, что бессовестный должник смеется над тем, чьи благодеяния так плохо ценил.

– Да уж получше некоторых! – крикнула она, глядя на Грима. – У больших людей и подлости большие, но иной раз и маленькие люди хотят отличиться по мере сил! И про них пойдет слава:

Сидит средь гостей
Без чести злодей:
Взял в долг серебро,
Да жалеет добро.
Бесстыдно пьет пиво —
Скальд скажет правдиво!

– звонко произнесла она среди тишины. Эту вису она сочинила от досады, чтобы как-то выпустить душивший ее гнев, и оглашать ее на поминальном пиру вовсе не собиралась, но наглость Грима вывела ее из себя.

Народ засмеялся. Грим сидел, словно пригвожденный к месту, красный, как спелый шиповник. Приехать в гости и тут услышать от хозяев позорящую вису на себя! Такого он точно не ждал!

– Ты… – Он глядел на Ингитору выпученными глазами, и рот его дергался, а люди вокруг смеялись все громче. – Ты что… что себе позволяешь! Я – мужчина, я не позволю…

Он попытался встать, но тут Оттар, заранее успевший подойти, крепко взял его за плечо:

– Это ты что себе позволяешь, Грим бонд, спроси-ка лучше у себя! Скажи-ка при всех людях: разве срок твоего долга еще не прошел? И где свидетели, что ты его вернул? Ты позволяешь себе нарушить слово, не отдать вовремя долг, хотя знаешь, что деньги здесь нужны, то есть это все равно что ограбить двух беззащитных женщин!

– Но женщины эти бывают не так уж беззащитны, как кажется! – крикнул веселый Видрир хёльд. – Иной раз и они за себя постоят!

– Я не позволю! – Грим сбросил с плеча руку Оттара и злобно глянул на него. – Я не того… чтобы нарушать мою честь! Он пожалеет об этом, кто…

– Ну, поглядим, как я об этом пожалею! – сурово ответил Оттар. – Если тебе кажется, что виса несправедлива и твоя честь задета, то на тинге или раньше я готов биться с тобой!

Теперь уже люди не смеялись: вызов на поединок – дело нешуточное. Грим скользнул взглядом по сторонам: на него смотрели блестящие от недавнего смеха глаза, и во всех читалось насмешливое любопытство: ну, теперь-то ты что ответишь? И когда он выйдет на поединок против Оттара, который мечом владеть умеет, на него так же будут смотреть и держать в уме позорящую вису, которая заранее лишит его силы и обречет на поражение. Чем так выходить биться, лучше уж вниз головой со скалы броситься!

– Держи! – Грим содрал с запястья серебряный браслет и бросил его в Ингитору, так что ей пришлось уклониться, а браслет, ударившись о стену, упал и покатился по полу. – Там марка веса! Я не позволю, чтобы меня позорили… Я…

– Садись! – утешал его сосед, Гуннар бонд. – Давно бы так! Отдал бы вовремя, кто тебе мешал? Корысть до доброй славы не доведет!

Но Грим выбрался из-за стола и уехал, ни с кем не прощаясь. Гости еще шептались и посмеивались, а Ингитора, хоть и не стала поднимать браслета, сидела гордая, с чувством одержанной победы. Поединок, говорите? Она, женщина, нашла средство не хуже, чтобы постоять за себя! Тот, кто посмел оскорбить память ее отца, бежал с позором и стал посмешищем в глазах всей округи.

– Но все-таки, йомфру, не со всяким противником можно справиться парой строчек! – заметил Фасти хёльд, тоже нарядный, как жених. На руках у него красовалось великое множество серебряных обручий: и пошире, и поуже, и гладких, и с узором, и плетеных, и крученых – так что на запястьях они все не могли поместиться и унизывали рукав синей рубахи почти до самого локтя, а еще два даже залезли выше. Видно, Фасти хёльд желал всем показать, что он-то человек состоятельный и почтенный. – Все-таки женщине нужен мужчина, чтобы было кому приглядеть за хозяйством и постоять за нее, если вдруг что. Ты, наверное, подумала, ну, про что я вчера говорил?

У Стейнара, Аринбьёрна и Колля вытянулись лица: собственные замыслы сделали их проницательными и дали возможность сразу понять, на что намекает Фасти, опередивший их! Фру Торбьёрг несколько переменилась в лице и сделала Ингиторе строгий знак глазами: не вздумай и здесь висы распевать! Ингитора передала ей свой разговор с гостями из Мьёльке: не сказать чтобы вдова Скельвира пришла в восторг от такой чести, но, если бы ее дочь решила принять это вполне надежное предложение, отговаривать ее фру Торбьёрг не стала бы.

– Мне нечего думать, ведь я дала ответ! – спокойно, как о решенном деле, отозвалась Ингитора.

– Что-то я не припомню, чтобы я его слышала! – воскликнула фру Торунн.

Сегодня на ней было вышитое платье и новое покрывало из полотна цвета яичного желтка. Рядом сидела ее дочь Гуннхильд, младшее и позднее дитя – длинная, нескладная девица восемнадцати лет, с бледным и вечно унылым лицом, где все черты жили как-то вразброд и словно бы смотрели в разные стороны. Блекло-серые глаза, наоборот, тянулись взглядами навстречу друг другу; если к ней обращались, Гуннхильд почти ничего не отвечала, а только кивала или приподнимала одно плечо. На пир ее нарядили в новую рубаху из того же желтого полотна, что наглядно показывало размер куска, который торговец Старкад Выдра сумел им всучить.

– Я дала его, – так же невозмутимо ответила Ингитора. – Я выйду замуж за того, кто возьмет на себя долг отомстить за моего отца.

Гридница настороженно молчала, и люди вертели головами, взглядами спрашивая друг у друга: вы чего-нибудь понимаете? Мы не ослышались? Трое выжидавших наклонились вперед, словно просили повторить.

– Где же такое бывало, йомфру? – веселый Видрир хёльд, еще с развалинами улыбки на лице, перегнулся через стол и, недоуменно хмурясь, смотрел на Ингитору. – Месть? За Скельвира хёвдинга? Чтоб твой муж, значит, ты хочешь…

– Да, я этого хочу! – внешне невозмутимо, но с бурлящим в душе восторгом отозвалась она и гордо подняла голову.

Ей вдруг стало легче, тоска отступила: она нашла средство вырваться из того болота заурядности, которое ее затягивало. Пусть это одна видимость, пусть дело не пойдет дальше мечты, но она хотя бы пожелала нечто такое, чего все эти мелкие людишки и не выдумают! В душе ее снова зазвучала «Песнь о Кьяре», и в душной гриднице словно бы повеяло свежим ветром.

– Но такого никогда не бывало, всякий скажет! – загомонили гости.

– Все когда-то случается в первый раз! – ответила Ингитора, словно была божеством, умеющим творить новые вселенные.

– Ну, чтобы за отца, брата, там, племянника, это еще бывает, или побратима, скажем, но чтобы за отца жены… – толковали за столами, перебирая случаи на памяти.

– Нет, йомфру, так не мстят!

– Еще неизвестно, признают ли такую месть законной!

– Скорее, сдается мне, на тинге ее объявят убийством, и тому, кто за это взялся, не поздоровится!

– Надо принять в расчет еще одно! – напомнил умный Асмунд хёльд из Эльвефалля, один из лучших хозяев округи. – Ведь мстить-то придется не кому-нибудь, не Гриму из Брема, а Торварду, конунгу фьяллей! Тут не на тинге придется оправдываться перед разгневанными родичами! Тут пахнет большой войной! И как бы ни любили мы Скельвира хёвдинга, нам все же лучше пожелать, чтобы эта месть не осуществилась!

– Но почему же? – возразил Оттар, и Ингитора вдруг заметила, что он волнуется. – Можно же вызвать его на поединок! А убийство на поединке не считается убийством! А когда причиной месть, то кто угодно признает это законным!

– Ну, во-первых, мы все теперь знаем, что думают фьялли об убийстве на поединке! – опять напомнил Асмунд хёльд, имея в виду нападение на Скельвира хёвдинга, которое тут все сочли местью. – А во-вторых, даже и выйдя против Торварда конунга… Я не знаю человека, кто сумел бы унести свою голову целой с такого поединка! Так что тебе, йомфру, придется подождать, пока Сигурд Убийца Дракона родится заново! Такого человека ты нигде не найдешь!

– Ну, почему же? – снова подал голос Оттар. Он сильно побледнел, и голос его против воли чуть дрожал. – Например, это я.

– Ты?

Непонятно было, кто сказал это вслух и сказал ли: сам полувопрос-полувосклицание повис в воздухе, и даже дым над очагами, казалось, застыл от изумления. А Оттар стоял, как перед нацеленным в грудь копьем, неприметно меняясь в лице и стараясь не смотреть на Ингитору.

Она и сама удивилась. Ее требование было для нее очередной песнью, где валькирией Кьярой выступала она сама, и вот в эту песнь вслед за ней захотел проникнуть и Оттар! Такого она не ожидала, будучи уверенной, как и умный Асмунд хёльд, что подходящего героя здесь не найдешь.

Ей и в голову не могло прийти, что этим неведомым героем вдруг окажется Оттар! Оттар, сын старого бонда Скофти со двора Кривая Елка! Оттар, чьи отец и брат с семьей до сих пор хозяйничали на своем дворе и собственноручно пахали, жали, косили! Последние лет двенадцать-тринадцать Оттар прожил в Льюнгвэлире, и Ингитора привыкла к нему, как к этим столбам, он казался ей частью дома, но никогда ей не приходило в голову увидеть в нем мужчину. Он был неглуп, то есть не делал глупостей, но и не был умен, потому что она никогда не слышала от него мыслей, выходящих за пределы повседневного существования. Он был отважен, правдив, надежен, благоразумен – да, но зауряден до тоски, и подвиг из сказания шел ему, как корове седло. Можно сказать, что он недурен собой, то есть в его внешности она не находила ничего дурного: обычное лицо с низковатым лбом, серыми глазами, тонким острым носом, бесцветными бровями и маленькой светлой бородкой. И это – ее жених? Тот самый, ради которого она отвергла столько людей, приплывавших сюда на собственных кораблях? Выйти за Оттара для нее означало невозвратно уронить себя, все равно что назвать своим мужем воротный столб Льюнгвэлира!

Оттар наконец посмотрел прямо ей в глаза и встретил изумленный, но вовсе не радостный взгляд.

– Я готов сделать то, что ты требуешь! – тихо среди напряженной тишины, но твердо сказал он. – Если ты выйдешь за меня замуж…

– Ты готов это сделать? – медленно и с выразительным изумлением произнесла Ингитора. – Ты?

– Да. Я. – Оттар отвечал коротко и так же твердо, хотя вполне улавливал весь смысл, который она вкладывала в это маленькое слово. – Или ты… ты считаешь меня… мое предложение…

У него не хватало духу выговорить «недостойным», но он не хотел отступать без борьбы.

– Ведь я же беру на себя… Я же согласен… – Он не мог говорить длиннее, ему было трудно дышать от волнения.

– Ты берешь на себя… Ты, боюсь, берешь на себя многовато. – Ингитора наконец справилась с изумлением и мягко усмехнулась. – Знающие люди говорили, что Торвард конунг – один из величайших воинов Морского Пути. Конунг фьяллей силен, как великан, и храбр, как сам Тор! Мало найдется людей в Морском Пути, кто смог бы быть ему достойным противником! Ты, Оттар сын Скофти, уверен, что не много берешь на себя?

– Его судьба так же в руках богов, как и судьба каждого простого человека.

– Да. Но что-то мне не думается, что твоя судьба окажется сильнее, чем его.

– Ты считаешь меня недостойным мстить за твоего отца? – Оттар даже немного разгневался, видя, что его величайший дар она готова небрежно бросить под ноги. – Разве я струсил в бою? Или я подал твоему отцу дурной совет? Или не сдержал слова? Или бросил кого-то в беде? Род мой ниже твоего, это верно, но… Но ты же сама зовешь мстителя. Так почему ты отвергаешь меня?

– Я не думаю, что мой мститель найдется здесь.

– Где же ты хочешь его искать? – крикнул Одд хёльд из Бломмета.

В том, как Ингитора произнесла слово «здесь», всем послышалось презрение к округе Льюнгвэлир, и теперь сочувствие было на стороне Оттара, который, хоть и оказался сумасбродом, все же поддержал их честь.

– Скажи мне, дочь моя, разве не ты сокрушалась дни и ночи о том, что некому отомстить за твоего отца? – вдруг подала голос фру Торбьёрг. – И вот нашелся доблестный человек, готовый взять на себя эту обязанность. Я не верю, что моя дочь окажется такой неблагодарной и забудет долг чести. Скажи при всех этих свободных людях – ты хочешь, чтобы смерть твоего отца была отомщена?

– Да, – тихо выговорила Ингитора. То, что Оттара поддержала ее мать, для нее оказалось неожиданностью. И поддержала так твердо, с такой решимостью глядя на нее, что Ингитора смутилась.

– И ты отдаешь свою руку тому, кто клянется сделать это?

Ингитора молчала. Сам замысел, приведший к такому итогу, уже казался нелепым, но не могла же она отступить, признать, что правы были Фасти, Видрир и фру Торунн, а она выдумывала глупости!

– Если ты поступишь иначе, люди будут думать, что ты думаешь только о себе! – Фру Торбьёрг больше не могла казаться невозмутимой, и в голосе ее зазвучала досада.

– А если ты будешь принуждать ее, хозяйка, то люди подумают, что ты думаешь только о себе! – вдруг сказал Асвард Зоркий и тоже встал. – Подумают, что ты торопишься спихнуть с себя ответственность и за имущество Скельвира хёвдинга, и за его честь, переложить ее на кого-то другого, а расплату за исполнение долга переложить на собственную дочь! Ведь не ты, а она должна выйти замуж!

– Уж не хочешь ли ты, чтобы я сама вышла замуж снова, еще пока не засохла земля на кургане мужа! – с досадой крикнула фру Торбьёрг, а Ингитора поняла, что ее неожиданный защитник прав. Ее гордая и уверенная мать отчаянно нуждалась в прочной опоре и была не так привередлива, как дочь.

– Зачем торопиться? – поддержал Асварда и Бьярни кормчий. – Как говорится, только раб мстит сразу, а трус – никогда. С местью не надо спешить. К этому важному делу надо хорошо подготовиться. И как следует выбрать мстителя.

– Пока будешь выбирать, Торварда конунга убьет кто-то другой! – выкрикнул Видрир.

– Уж Торвард конунг подождет, можно не сомневаться! – с гневом ответила Ингитора на эту неуместную насмешку.

– Скажи-ка мне, дочь моя! – внушительно произнесла фру Торбьёрг. – У тебя есть на примете другой мститель? Другой защитник, который не дал бы разграбить нас первым бродягам, которые пойдут по морю мимо фьорда?

– Есть! – уверенно ответила Ингитора. – Это Хеймир конунг! Я сама отправлюсь к нему и расскажу о нашем горе! Все равно же он должен решить, кому достанется наследство, ему или мне! Если мне так уж необходимо выйти замуж, чтобы отомстить за отца, то пусть лучше конунг сам выберет мне жениха! У него-то нет недостатка в доблестных, прославленных подвигами, достойных людях!

– Ты хорошо придумала, йомфру! – Бьярни кормчий приветственно махнул ей рукой, и его широкое красное лицо просияло. – Ты достойна твоего отца! Я буду служить тебе, как служил ему!

– И я буду! И я!

Все хирдманы Скельвира хёвдинга вскочили со своих мест; слышались крики, к Ингиторе тянулись руки и кубки, словно все за столом приносят ей клятву верности. И она, словно приподнятая волной всеобщего возбуждения, вдруг ощутила какую-то лихорадочную горячую

радость, от которой щеки запылали и стало жарко. Она снова обрела опору под ногами, почувствовала себя сильной и уверенной, как при отце. Так мог бы чувствовать себя корабль после долгого утомительного плавания на веслах, снова ощутив первые дуновения свежего попутного ветра.

«Я потрясен!» – с восхищением сказал прямо ей в ухо знакомый голос, и Ингитора быстро обернулась, ожидая увидеть возле себя того… кого увидеть больше невозможно, потому что над телом его насыпан курган. Это был голос Скельвира хёвдинга, и он всегда говорил эти слова, когда она выходила в гридницу в особенно красивом платье, или складывала особенно удачные стихи, или еще чем-нибудь заслуживала его одобрение… Сердце защемило, глаза наполнились слезами, хотелось кричать от отчаяния, что голос отца теперь будет звучать только в ее памяти. Но… А если он и правда видит ее сейчас?

– И мы сами отомстим проклятому Торварду конунгу! – сквозь общий шум прокричал Бьярни кормчий.

И даже это сейчас не казалось Ингиторе невозможным.

Глава 3

Наутро после славной битвы Торвард сын Торбранда, конунг фьяллей, стоял на песке, на восточном краю Острого мыса, и рассматривал остывшее кострище. Так внимательно, как будто видел подобное в первый раз. А между тем ничего особенного тут не было: круг угля и золы, серо-черной от утренней росы, несколько обглоданных и обгорелых костей. И собрать из этих костей удалось бы не больше половины одной свиной туши.

– Видно, Бергвид Черная Шкура еще разбогател с тех пор, как мы последний раз о нем слышали! У него, похоже, завелся поросенок от кабана Сэхримнира! – сказал Эйнар Дерзкий. Торвард бросил на него короткий взгляд: сын Асвальда Сутулого высказал его собственную мысль, только совсем в других словах, чем мог бы он сам. – И даже лучше: они могут зажарить и съесть одного и того же кабана десять раз за один вечер.

– Ты хочешь сказать, что все Бергвидово войско не могло насытиться мясом с этих жалких костей? – уточнил Аринлейв, сын Сёльви Кузнеца.

– Ты, как всегда, умен и проницателен! – с издевательским восхищением отозвался Эйнар, но Аринлейв не обиделся, поскольку говорить по-другому Эйнар Дерзкий не умел. Его способ общаться Халльмунд называл «уродствовать».

– Ты очень умный, Эйнар, и слушал много песен о богах! – проворчал Ормкель. Он тоже был озадачен и оттого ворчал больше обычного. – Но теперь не время хвастать своими познаниями. Может, скажешь, своих мертвецов они тоже собрали в какой-нибудь волшебный мешок, куда входит хоть целая сотня трупов? Я сам десяток уложил, и где они?

– Эйнар сожрал! – сострил Тови Балагур. – Нарочно, чтоб тебе досадить!

– Ну, насчет трупов, это понятно! – заметил Халльмунд. – Трупы они собирали еще ночью, пока мы их искали. Тут над всем берегом такое облако висело, они под ним прятались. Бергвид же мастер колдовать.

Торвард повернулся к нему и внимательно осмотрел, как будто видел друга и родича впервые в жизни.

– Но я же видел, что я его убил! – со странной смесью недоумения и убежденности произнес Торвард. – Я совершенно ясно это видел. Я ударил его копьем напрямую, он закрылся, копье воткнулось, он дернул щит и сломал его, – разъяснял он Халльмунду, готовому выслушивать от него что угодно и когда угодно. – Потом он бросил щит, думал, я буду вытаскивать меч, а он тем временем меня зарубит. А я его ударил древком. От такого удара у него там все кишки полопались, после такого не выживают. И где же он?

– Унесли! – Халльмунд развел руками. – Колдовское облако для того и нужно. Мы такую штуку знаем. Помнишь, мой отец рассказывал, еще когда туалы в Аскефьорд приходили. Точно так же все было. Они в долине, а над ними туман, и хоть шарь по земле руками, все равно ты в эту долину не попадешь, а уйдешь в сторону. Идешь направо, а сам думаешь, что налево. Вот и мы вчера так же проблуждали. Спасибо, своих никого не потеряли.

– Но если было колдовское облако, значит, он жив!

– Значит, жив! – Халльмунд опять развел руками, на этот раз с сожалением. – Выходит…

– Его простое оружие не берет! – сказал нахмуренный Аринлейв. – Выходит вот что! Даже если от такого удара в живот умирают не сразу, все равно тут уж будет не до колдовства! Он был жив и мог колдовать!

– А может, он колдовал уже мертвый! – вставил Эйнар.

– Нашел время скалить зубы! Ты очень умный! – Ормкель только ждал случая накинуться на Эйнара. – Пойди лучше приложи чего-нибудь холодного к своей роже, а то женщины любить не будут! Смотри: если зубам во рту тесно, так я мигом помогу!

Один глаз у Эйнара опух и заплыл фиолетовым синяком – еще одним следствием ночной битвы. Но с зубами у него было все в порядке и в прямом, и в переносном смысле.

– Что-то ты слишком разошелся! – Эйнар повернулся к Ормкелю и положил руки на пояс. – Не забывайся, старик! Ты не был таким грозным с теми квиттами, которые тебя продали в рабство!

Намека на свою давнюю неудачу Ормкель сын Арне не прощал никому: молча он бросился на Эйнара, и тот изготовился его встретить, но по пути Ормкелю пришлось пробегать мимо конунга, который все это время молча разглядывал кострище, словно не слыша ничего вокруг. Несколько быстрых движений – и Ормкель почему-то покатился по песку, а Торвард конунг уже выпрямился и опустил руки, словно ничего не произошло.

– А ну тихо! – коротко приказал он, одним взглядом окинув Ормкеля и Эйнара. – Вас мне еще не хватало!

Халльмунд предостерегающе положил руку ему на плечо: в самом деле, конунгу не стоит проклинать собственных воинов, даже если он очень раздосадован. Торвард тихо ругался сквозь зубы. Он стыдился своей неприкрытой досады, но не мог ее сдержать. У него был, опять был случай навсегда прекратить подвиги Бергвида Черной Шкуры, из-за которого столько кораблей каждый год не возвращается домой. Многие из этих кораблей принадлежали фьяллям, что само по себе требовало его вмешательства. Но Бергвид не попадался ему на морях, а одна-две попытки достать его на суше, у озера Фрейра, где тот жил, кончались пустым и досадным блужданием по чащам Медного Леса. Дороги к озеру Фрейра были зачарованы и совершенно недоступны для врагов.

И вот он наткнулся на Бергвида на побережье, где тому поневоле пришлось принять бой! И опять упустил! Поневоле поверишь ворожбе кюны Хёрдис, когда заботливая матушка показывает тебе руну Хагль, светящуюся на коре священного ясеня, и твердит, что для тебя сейчас не время подвигов и славных свершений!

А подвиги и славные свершения сейчас нужны были Торварду, как воздух. С самого детства он считал удачливость непременным качеством любого героя, и он этой удачливостью обладал. Все кончилось четыре года назад, когда его отец, Торбранд конунг, погиб на поединке с Хельги ярлом, – человеком, которого Торвард считал своим другом. Смерть от руки достойного противника не позорит павшего, но в глубине души Торвард не мог не принять часть этого поражения на себя. И не оставалось никакой надежды, что когда-нибудь тайный позор будет смыт, поскольку за убийство на поединке мстить нельзя.

Как говорит пословица, за бесчестьем и беда тут как тут. Торвард сам стал конунгом, но счастье ему изменило. Он много ходил по морям, одерживал победы, но в каждой из этих побед обнаруживался привкус горечи, отравлявшей радость. Его уважали, опасались, но, однажды употребив силу не самым достойным образом, пусть и поневоле, он теперь не находил в сознании своей силы никакого удовольствия.

– А что же ты хотел, Торвард конунг, сын мой! – говорила кюна Хёрдис, которой даже пару лет спустя все еще доставляло огромное удовольствие называть своего сына конунгом. – Ты ведь совершил такой подвиг – победил непобедимый остров Туаль! А такое даром не дается, надо же как-то расплачиваться! Нельзя же иметь все и всех! Ладно бы ты сходил с ума по какой-нибудь тупой ворожейке, тогда отделался бы насморком! А ты ведь сцепился с фрией Эрхиной! Она прокляла тебя, лишила удачи, и я пока ничего с этим поделать не могу. Еще слава асам, что мы утопили ее талисман, иначе она сделала бы тебя… гм, вообще ни к чему не пригодным. Ты ведь всегда хочешь иметь все самое лучшее, а это не дается даром!

– Так не прикажешь ли мне попросить у нее прощения? – кипел Торвард, который и несколько лет спустя не мог спокойно слышать имени Эрхины.

– Ну, это было бы неплохо! – отвечала кюна, отлично знавшая, что ее сын-конунг не станет просить прощения у женщины, которая сама перед ним виновата.

– Этого не будет!

– Я не заслуживала бы звания твоей матери, если бы сама не догадалась! А раз так – терпи! Когда терпят и верят в удачу, рано или поздно она вернется. Если будешь злиться и ломать скамейки, то еще больше расшатаешь над собой небесный свод и призовешь к себе Бездну!

Не кюне Хёрдис было упрекать Торварда, поскольку стремление иметь все самое лучшее и значительное, как друзей, так и врагов, он унаследовал от нее же. И кюна об этом знала: даже упрекая, она почти не скрывала своей гордости сыном, который так велик даже в своих поражениях и ошибках!

Но сам Торвард этим не гордился. К двадцати восьми годам он поднабрался кое-какой мудрости и знал, что славнейший конунг и ничтожнейший раб живут одинаково трудно, только трудности у них разные. И надо не бегать от обязанности выводить войско на битву или чистить котлы, а запасаться силой духа, которая поможет преодолеть и то, и другое. Но вот эту силу, которая так легко несла его по жизни в первые двадцать пять лет и позволяла преодолевать трудности, почти не замечая их, Торвард утратил, и сомнительная честь быть проклятым не мелкой ворожейкой, а самой фрией Эрхиной, лицом богини на земле, ничуть его не утешала.

После ночной битвы у фьяллей оказалось шесть человек убитых и около десятка раненых. Мало, если помнить, что у Бергвида имелось не меньше людей, да в придачу его укрывали чары неуязвимости и колдовское облако, а фьяллей – только собственная доблесть. Чтобы похоронить их, требовалось на какое-то время задержаться: еще не настолько похолодало, чтобы везти тела во Фьялленланд.

Хирдманы рубили дрова для костра и одолженными в усадьбе Фридланд лопатами рыли землю для общего кургана. Торвард конунг ни в чем не принимал участия, и даже когда он, как положено, поджигал погребальный костер, на его лице отражалась отстраненная мрачность.

– Конечно, рассуждать о колдовстве хорошо зимним вечером, сидя с женщинами возле очага, с бочонком пива под боком, – говорил потом Сёльви Кузнец, пока готовилось некое бледное подобие погребального пира. – Когда колдуны вздумают позабавиться с тобой, весь ум из головы как волной смывает. Я и сам не знаю, что я наделал этой дурной ночью. А ведь я не берсерк, и моя голова всегда знает, что делают руки. Что ты скажешь, конунг?

Торвард подавил досадливый вздох, развернулся и пошел по влажному песку к морю. Холодный ветер раздувал плащ, как крылья, трепал волосы. Мокрый песок цеплял за башмаки мягкими упрямыми ладонями, и Торвард хмурился. Его амулет-торсхаммер, маленький молоточек, выточенный из кремня, казался горячим и прямо-таки обжигал кожу под рубахой, указывая на близость злой ворожбы. Бергвида Черной Шкуры уже не было здесь, но оставленное им колдовское облако давящей смутной тяжестью висело над берегом.

Над водой висел туман, но под серыми волнами уже чернел каменный островок, выставивший плоскую спину из моря. Сейчас он имел обыденный вид, без малейшего напоминания о таинственных силах, жадных до человеческой крови. Но Торварду он казался чудовищем, готовым выползти из моря и наброситься на людей. Духи четырех колдунов, утопленных его матерью, жаждут крови. И кровь обильными бурыми пятнами сохла на площадке под склоном Престола Закона. Ее было хорошо заметно на сером песке, на темно-зеленом мху и серебристо-сизых лишайниках.

– Ты думаешь, колдуны тоже на стороне Бергвида? – Сёльви кивнул на островок.

– А то как же? Он их соплеменник и мститель за них.

– Ведь этого могло и не быть! – Сёльви вздохнул. – Если бы тогда, тридцать лет назад, после Битвы Чудовищ, мы догадались как следует поискать Даллу среди пленных…

– Что о том тужить, чего нельзя воротить? – Торвард с досадой пожал плечами.

Но Сёльви, конечно, был прав. Если бы тридцать лет назад кюна Далла с трехлетним сыном Бергвидом не ускользнула от победителей-фьяллей, не затерялась среди множества

пленных, в основном тоже женщин и детей, то ее сын не вырос бы в рабстве за морем, не освободился пятнадцать лет спустя и не собрал войско, чтобы мстить разорителям его земли… Об этом говорилось уже так много, что повторять не было смысла.

Позади слышалось какое-то бормотанье. Торвард обернулся. Хмурый Гудлейв сидел на охапке лапника, вытянув раненую ногу, накручивал на палец длинную прядь волос и иногда сильно дергал за нее.

– Бился герой бесстрашно… или отважно? Ясень кольчуги смелый… Фрейр корабля… бесстрашный… О Мировая Змея, да как же там было? – морщась, словно от зубной боли, бормотал он.

Торвард криво усмехнулся. Знакомое зрелище – Боевой Скальд силился вспомнить собственные вчерашние творения.

– Брось, не мучайся! – снисходительно посоветовал ему Аринлейв. – Когда будет новая битва, ты сочинишь новые стихи!

– Ты понимаешь, – Гудлейв быстро вскинул на него глаза, надеясь на сочувствие, – мне кажется, таких хороших стихов я еще не сочинял никогда! Они звенели, как кольчуга валькирии, враги падали от моих стихов, а не от меча! А теперь я не могу ничего вспомнить! За что Браги так наказал меня?

– Радуйся, что не помнишь! – грубовато утешил его Ормкель. – Вчера у нас была обманная битва. Должно быть, ты насочинял дряни! Хуже тухлой селедки. Так что лучше не вспоминай.

Гудлейв вздохнул. А Торвард не мог утешиться даже ожиданием новой битвы: что толку в новой битве, если Бергвид явится туда с мешком своих старых хитростей и уловок.

– Сын ведьмы! – с досадой пробормотал Торвард и сплюнул под ноги, уловив сочувствующий взгляд Халльмунда. – И они еще говорят, что я – сын ведьмы! Про Бергвида такого не говорят, но ты скажи мне, кто из нас сын ведьмы? Кто всю жизнь сражается ворожбой и отводом глаз – я или он? Да возьмут его тролли!

Когда погребение завершилось, до вечера еще оставалось какое-то время и можно было проплыть сколько-то на север, пока не наступила темнота, но Торвард конунг по-прежнему сидел у костра и молчал.

– Не прикажешь ли сталкивать корабли? – осведомился наконец Халльмунд, побуждаемый вопросительными взглядами дружины. – Мы еще успеем добраться до Граннефьорда…

– Мы вообще никуда не пойдем, – неохотно обронил Торвард. – Я… передумал.

Дружина стояла вокруг него кольцом, и на всех лицах отражалось недоумение.

– Уж не хочешь ли ты, конунг, дождаться здесь прекрасной йомфру Хильды? – полюбопытствовал наконец Эйнар. – И похитить ее, чтобы отомстить Бер…

Конец этого имени застрял у него в горле: таким бешеным взглядом одарил его конунг.

– Пропади она пропадом, эта Хильда! – рявкнул Торвард. – И тот, кто еще раз мне про нее напомнит, заодно! Я знать не знаю никакой Хильды! Я думаю… – Усилием воли он взял себя в руки и сказал почти спокойно: – Я думаю о Драконе Битвы.

Все хорошо понимали, о чем он говорит. Почти тридцать лет назад Хёрдис Колдунья выкрала у великана Свальнира меч, которым его только и можно было убить. Двадцать пять лет после этого Дракон Битвы приносил Торбранду конунгу победы во всех сражениях, кроме последнего поединка – но у всего на свете бывает конец. Дракон Битвы последовал за хозяином в могилу, и поначалу Торвард воспринял это как должное. Но в последние годы, чувствуя, как тяжело висит у него на плечах неудача, Торвард думал о нем все чаще, а нынешняя ночь, когда якобы убитый ненавистный Бергвид все-таки ушел живым, подтвердила, что больше так продолжаться не может. Если Бергвида Черную Шкуру и можно убить, то здесь не подведет оружие, которое принесло смерть последнему из квиттингских великанов!

– Ты думаешь, что если Бергвида нельзя убить по-другому, то нужно… – начал Халльмунд, который за двадцать лет близкого знакомства научился угадывать его мысли.

Торвард молча кивнул.

– Так что: раскапывать курган? – со смесью восторга и жути в голосе спросил Аринлейв.

На лицах хирдманов вокруг отразились примерно те же чувства. В любой округе Морского Пути есть свои знаменитые курганы и набор страшных сказок о том, как тот или иной герой пытался добыть из них сокровища. И непременно до того, как одному это удастся, десяток не таких удачливых грабителей становится добычей мертвеца. Аскефьорд не был исключением.

– Хорошо бы спросить совета у кюны, – ворчливо заметил Ормкель. – Она-то уж знает, как разговаривать с теми, кто сидит в могиле!

– От нее помощи не дождешься в таком деле! – возразил Аринлейв. – Дураку ясно, что она была бы против! Она же не хочет… Я сам слышал, как она говорила…

Аринлейв не посмел закончить и взглядом попросил поддержки у своего отца.

– Да, пожалуй, кюна будет не очень-то рада! – Сёльви кивнул. – Она ведь считает, что Бергвид полезен Морскому Пути, по крайней мере, нам. Но я не вполне уверен, что в этом она права!

Торвард снова кивнул. О Бергвиде они с матерью спорили не раз.

– Не убивать Бергвида и не охотиться за ним по всем семи морям ты должен, а любить и желать ему здоровья и долголетия! – уверяла его кюна Хёрдис. – Ты сам не понимаешь, сын мой, какую услугу он тебе оказывает! Ведь он считает себя конунгом квиттов, а квитты не признают его, и потому свои же квитты для него такие же враги, как мы!

Кюна говорила о фьяллях «мы», хотя сама происходила из племени квиттов и на Квиттинге прожила первые двадцать два года своей жизни.

– Он же отрекся от своих якобы прав на звание конунга! – отвечал ей на это Торвард.

– Он отрекся, но его заставили, почти под угрозой каменного топора, которым убивают жертвенных коней! Он ненавидит эту клятву, ненавидит Вигмара Лисицу и Хельги ярла, которые у него ее вынудили, ненавидит самого себя! И от всего этого он еще злее, еще непримиримее! Пойми же: пока существует Бергвид, Квиттинг никогда не объединится вокруг сильного вождя, потому что Бергвид мешает им набирать силу. Квиттинг навсегда останется таким, как сейчас: разоренным, опустошенным и бессильным.

– Что нам в его бессилии? Там даже дань уже пятнадцать лет невозможно собирать. Полуостров ведьм и призраков! Мимо плавать страшно, переночевать негде, лежишь на берегу, а вокруг синие огни над невесть чьими могилами! Чего в этом хорошего, кому это надо!

– Если квитты когда-нибудь соберутся с силой, ты думаешь, они не захотят отомстить нам? А пока Бергвид жив, они не могут и подумать об этом. Так что Бергвид нужен нам.

– Особенно он нужен, когда пытается разорить Аскефьорд. Или ты, госпожа моя, забыла, как дважды в один год была вынуждена бежать из собственного дома?

В этих спорах кюна сумела привлечь на свою сторону немало людей, но Торварда она не убедила. Справедливый и не способный мириться с явным злом, даже если оно и сулило ему какую-то выгоду, Торвард видел дело чести в уничтожении Бергвида. Совесть шептала ему, что это его отец, Торбранд конунг, невольно породил это проклятье. Он знал, откуда взялся Бергвид, и где-то мог его понять, но терпеть его существование не мог.

На стоянке возле «Златоухого» дымил костер, Кольфинн уже ждал с кашей. Тормод Чернобровый, держа на весу перевязанную руку, сидел возле котла. Его угораздило поместиться как раз в той стороне, куда ветер нес дым, но перебираться на другое место он не хотел, надеясь пересидеть ветер.

– Целое полчище квиттов… Герой одолел бесстрашно… О Фенрир Волк! – бормотал безутешный Гудлейв.

– И что ты решил? – тихо спросил Халльмунд.

– Мы пойдем туда прямо сейчас.

* * *

Вторая ночь под Престолом Закона прошла спокойно – полнолуние осталось позади, и рано утром дружина конунга тронулась в путь. В Медный Лес Торвард конунг взял с собой Халльмунда и двадцать пять хирдманов со «Златоухого», а Сёльви Кузнеца с Аринлейвом и большинством дружины оставил на Остром мысу охранять корабли. Поскольку Торвард не собирался ни с кем вступать в бой, этого количества казалось достаточно.

– Все равно Бергвид сейчас в море, и пройти по его земле вовсе не трудно! – рассуждал довольный Эйнар. – Вам, Аринлейв, может даже и похуже придется. А вдруг он вздумает снова наведаться на Острый мыс?

Шум моря быстро затих позади, показались и пропали остатки разрушенных жилищ. Когда-то на Остром мысу стояли четыре большие усадьбы, не считая множества двориков рыбаков и мелких бондов. Теперь же он считался таким несчастливым, нехорошим местом, что никто кроме отважной йомфру Хильды не осмеливался там жить.

Дорогу на север фьялли неплохо знали, поскольку она была не раз хожена за время долгой войны. Через два дня пешего пути им предстояло перебраться через Ступенчатый перевал, за которым начинался Медный Лес.

– Не очень-то веселое место! – приговаривал на ходу Эйнар Дерзкий. – Жалко, Боевой Скальд с нами не пошел. Сейчас поднимал бы наш дух своими звонкими «говорилками». Ведь мы сейчас все равно что в битве! Каждый шаг по этой тропе – победа над колдунами.

– А ты мог бы и вместо него поработать! – обернулся к нему Ормкель. – У тебя же не язык, а весло! Как понесет, как раздует – прямо тебе парус!

До самого вечера фьялли шли на север. Вокруг них расстилалась равнина, медленно поднимавшаяся, в основном поросшая лесом. Попадались усадьбы, вокруг которых виднелись пустоши, поросшие кустарником, кое-где в нем проглядывали сложенные из камней невысокие ограды: когда-то они отделяли выпасы от полей, чтобы скот не забредал в посевы. Но уже лет тридцать тут никто ничего не сеял. В последние четыре года, с тех пор как у этой местности появилась хозяйка в лице йомфру Хильды, округа Острого мыса стала понемногу населяться, и многие семьи, бежавшие от захватчиков на восток, теперь стали возвращаться. Чтобы не выдавать своего присутствия (для конунга фьяллей было бы слишком неосторожно показываться на Квиттинге с дружиной из двадцати пяти человек), Торвард конунг вел своих людей менее населенными местами.

Попадались и заброшенные остатки прежнего жилья: частью сгоревшие, частью обрушенные постройки, замшелые и поросшие кустарником, покрытые сорным лесом брошенные поля. Торвард конунг подумывал остановиться на ночлег возле одной из таких усадеб, но на лицах хирдманов отражалась жуть, и в конце концов выбрали сосновый лесок возле самой дороги.

На другое утро впереди уже отчетливы показались горы, и еще до сумерек фьялли увидели Ступенчатый перевал: беловатую скалу из песчаника, на которой огромные плиты образовывали как бы ступеньки, заросшие мхом, можжевельником, мелкими желтеющими березками.

У подножия перевала остановились. Возник небольшой спор, точно такой же, как и тридцать лет назад, когда к этому перевалу однажды подошел со своей дружиной Торбранд конунг: ночевать здесь, у подножия, а в Медный Лес войти завтра утром, или же перейти перевал сейчас и немного углубиться в эту загадочную и грозную страну, чтобы успеть оглядеться до ночи. И Торвард конунг решил так же, как когда-то его отец: идти немедленно. Четыре года назад

он уже бывал в Медном Лесу, и сейчас его сжигало лихорадочное волнение, как будто он возвращался на родину, откуда ушел не по-доброму и теперь не знает, как его встретят, боится самого худшего, но все же не может одолеть мощного влечения к этим местам. Отчасти он понимал причину своего состояния. Он знал, что голос крови призывает его в Медный Лес. Он знал, кого ему наверняка придется там встретить, но ни одному человеку из дружины, даже Халльмунду, не говорил об этом. У каждого есть недостатки, о которых даже открытый человек предпочитает не рассказывать и лучшим друзьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.